

Мордвинцева В.И.

САРМАТСКИЙ ЗВЕРИНЫЙ СТИЛЬ И ВОЗМОЖНОСТИ ЭТНИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЙ

Сарматский звериный стиль с самого начала выделения этого художественного явления рассматривался как ключ к этническим процессам, происходящим в регионе Северного Причерноморья в III в. до н.э. – I в. н.э. В статье рассматриваются возможности этнических реконструкций на материале некоторых категорий предметов сарматского времени, украшенных зооморфными изображениями: украшения костюма (гривны, браслеты, серьги), драгоценная посуда, инсигнии власти (ритуальные пластины – жезлы). Автор приходит к выводу о том, что для разных районов сарматского мира были характерны различные категории вещей, которые украшались в зверином стиле. Картографирование этих предметов и их сравнительная характеристика указывает на культурные различия этих регионов.

Ключевые слова: звериный стиль, сарматская культура, этническое самосознание.

By our style types and definitions we create the past... and, in addition, the past has become our own creation¹.

M.W. Conkey, Ch.A. Hastorf. The uses of style in archaeology

Начиная с эпохи Возрождения, археологический материал рассматривался как когда-то принадлежащий народам, известным в письменной истории. Популярность этнических интерпретаций археологического материала возросла в результате развития европейской исторической науки в XIX в. [Días-Andreu, Champion, 1996, p.7-8]. Широкое распространение в это время национализма в Европе подготовило плодородную почву для возрастания интереса к археологическим остаткам на государственном уровне, в особенности для обоснования национальных или этнических родословных [Jones, 1997, p.15; Brather, 2004, p.6].

Возникшая тесная связь между национализмом и археологией была основана на концепции **нации**. Нация определялась, при этом, как политическое объединение группы людей, присущее самой человеческой природе. Само существование нации нуждалось в изучении ее **прошлого**, которое для общего блага и блага отдельных членов общества должно было пропагандироваться и доно-

ситься до каждого. Поэтому появление политического национализма уже в конце XVIII в. превратило написание такой истории в патриотический долг [Días-Andreu, Champion, 1996, p.3].

Классический пример использования данных археологии в построении национальной доктрины – работы Густава Коссинны [Kossinna, 1911; Kossinna, 1936 (1914)]. Коссинна развил этническую теорию, которую он назвал “археологией поселений”. Основная посылка его подхода состояла в том, что определенные типы артефактов могут быть использованы для идентификации археологических культур, а ясно различимые культурные провинции отражают ареалы расселения древних племен или этнических групп. При этом он часто экстраполировал данные сравнительно поздних источников на более ранние периоды истории, в том числе и бесписьменные, чтобы определить присутствие исторически известных народов в их предполагаемом доисторическом прошлом. На основании такого подхода Коссинна попытался возвести про-

¹ “С помощью наших стилистических типов и определений мы создаем прошлое... и, как следствие, прошлое становится нашим творением”.

исхождение северной арийской (германской) супер-расы к индо-европейцам (или индо-германцам) [Veit, 1989, s.38]. Использование метода Коссинны позволило оперировать отдельными категориями предметов, специфическими особенностями структуры поселений, а также деталями погребального обряда как *этноиндикаторами*.

Особую роль в круге представлений об “этноиндикаторах” археологических культур всегда играли предметы древнего искусства. В полной мере это относится и к изделиям скифского и сарматского звериного стиля.

Звериный стиль кочевников Евразии впервые всерьез заинтересовал исследователей в конце XIX – начале XX вв. Тогда почти одновременно было написано множество книг об этом искусстве, где раскрывались вопросы его происхождения, эволюции, давались объяснения характерным для него мотивам и сюжетам. Общественный интерес к скифским древностям совпал с эпохой возникновения авангардных стилей в живописи, когда впервые была осознана эстетическая ценность “примитивного” искусства [Jettmar, 1964, s.38-39; Gombrich, 1980, p.4; Gombrich 1983, p.446-447; Артамонов, 1971, с.25; Фаркаш, 1992, с.164].

В то же время горячий отклик в обществе получили переводы Авесты и Вед на европейские языки, а также исследования в области древней восточной литературы и культуры. Восторженное, но в определенной степени одностороннее отношение к классической античности сменилось возрастающим интересом к сопоставлению ее с древними цивилизациями Востока.

В этой концепции “дуальности” древнего мира степи южной России представлялись как яркий пример противопоставления “иранства” “эллинизму”². Искусство кочевников с его свернувшимися в кольцо пантера-

ми и “летающими” оленями как неотъемлемая черта иранского мировоззрения выглядело, в этом смысле, оппозицией античному искусству³.

Уже в первых специальных работах звериный стиль кочевников Евразии был прямо сопоставлен со скифским и сарматским этносом.

Так, М.И. Ростовцев прямо называл звериный стиль “национальным стилем скифов” [Rostovtzeff, 1922, p.25]. В его исторических разработках стилистические отличия артефактов часто выступали как аргумент в пользу его миграционной концепции [Rostovtzeff, 1922, p.23-25, 105; Rostovtzeff, 1929, p.28, 42-44].

Именно М.И. Ростовцев фактически противопоставил скифский звериный стиль сарматскому, хотя, по его словам, и не было “полного разрыва с традициями скифского искусства – была, прежде всего, общая любовь к звериной теме” [Rostovtzeff, 1929, p.57]. Возможно, что не последнюю роль в разграничении понятий “скифского” и “сарматского” стилей сыграли представления ученого о принципиальном различии этих народов (народы разные, значит и стиль разный). Проведенное им разграничение скифов и сарматов и их “национальных стилей” должно было ярче продемонстрировать смену в Северном Причерноморье одного населения другим.

Довольно подробно определив признаки искусства скифов [Rostovtzeff, 1922, p.51; Rostovtzeff, 1929, p.28], М.И. Ростовцев дал при этом весьма расплывчатую характеристику сарматского звериного стиля [Rostovtzeff, 1929, p.55-56]. Единственным формальным признаком стиля у него выступает полихромия: наличие цветных вставок. Сила авторитета М.И. Ростовцева сказалась в том, что эта черта (полихромия) продолжает до сих

² М.И. Ростовцев: “I do not regard South Russia as one of the provinces of the Greek world. South Russia has always been, and remained even in the Greek period, an Oriental land” [Rostovtzeff, 1922, p.VIII-IX]. См. также: [Зуев, 1991, с.167]. Это противопоставление воплотилось в названиях фундаментальных трудов Э. Миннза “Scythians and Greeks” и М.И. Ростовцева “Iranians and Greeks in South Russia” и “Скифия и Боспор”.

³ “Звериный стиль юга России крепкими нитями связан с Востоком и глубоко чужд Западу” [Rostovtzeff, 1929, p.7].

пор выступать в качестве основного признака сарматского искусства [Rehm, 1992, s.82-83], хотя многими исследователями уже было неоднократно отмечено, что полихромные изделия были широко распространены во второй половине I тысячелетия до н.э., и их появление не должно односторонне связываться с сарматской культурой [Jettmar, 1964; Farkas, 1973, p.83].

Представление о зверином стиле как о специфическом явлении, присущем только скифскому и сарматскому этносу, встречается во многих работах первой половины XX в. [Borovka, 1967 (1928), p.5-6, 30; Shefold, 1938, s.4, 64]⁴. В это время тема звериного стиля дискутировалась особенно интенсивно, иногда доходя до крайностей в виде признания возможности передачи звериного стиля генетическим путем⁵. Тесная связь звериного стиля и определенных этнических групп признается многими исследователями и сегодня [Смирнов К.Ф., 1976, с.80; Засецкая, 1980, с.54; Засецкая, 1989, с.41-42, 44; Раев, 1984, с.134; Мартынов, 1984, с.4; Курочкин, 1984, с.39; Ольховский, 1991, с.61; Галанина, 1997, с.82; др.]. При этом мнения широко варьируют от проведения знака равенства между этими двумя понятиями до более тонких дефиниций⁶.

Вариантом этнической интерпретации искусства звериного стиля является подход, согласно которому оно, скорее, было связано с кочевым образом жизни практикующих это искусство народов, чем с конкретной эт-

нической группой. Этот подход также наметился еще в начале XX в., когда впервые стал проявляться интерес к институту номадизма. М.И. Ростовцев подчеркивал, что “носители звериного стиля были охотники и номады, а не крестьяне и хлебопашцы”⁷. При общей склонности к этнической интерпретации скифского звериного стиля, его связь с кочевым образом жизни отмечали также Г. Боровка [Borovka, 1967 (1928), p.66] и К. Шефольд [Shefold, 1938, s.64].

Точка зрения о социальной основе звериного стиля номадов Евразии, в том числе о его воинском характере, была развита затем в работах венгерских и немецких ученых [Alföldi, 1933, s.563, 569; Jettmar, 1964, s.214ff], и до настоящего времени является наиболее распространенной в западной литературе [Jacobson, 1995, p.1; Brentjes, Vasilevsky, 1989, s.72, 74; Parzinger, 2004, s.51]⁸. В русле этой теории сарматский звериный стиль представляет собой последнюю стадию развития звериного стиля номадов Евразии, период его упадка. В это время он перестает уже быть системой мировоззрения и остается маркировкой высокого социального статуса наряду с другими вещами социального престижа.

Сложность сопоставления археологического материала с определенным этносом неоднократно подчеркивалась в литературе. Одновременно предметам искусства всегда уделялось повышенное внимание и доверие как этническим индикаторам. Интерпретация

⁴ П. Рау, в частности, отмечая своеобразие звериного стиля самаро-уральского региона, приходит к выводу об этнической обособленности населения этой территории [Rau, 1929, s.59-60].

⁵ “Присматриваясь к этническому типу современных кочевников Хор, мы различаем несколько разновидностей, среди которых наиболее выделяется тип homo alpinus, свидетельствующий о значительной примеси иностранной крови, по всей вероятности, иранской или скифской. **Присутствием этой иностранной примеси, быть может, объясняется сохранение “звериного” стиля** (выделено нами – В.М.) среди кочевников Хор” [Рерих, 1930, с.19].

⁶ Е.Ф. Королькова, например, в осторожной форме предлагает рассматривать некоторые локальные варианты искусства звериного стиля в качестве отражающих этнические особенности населения этих областей [Королькова, 1998, с.166]. Похожее мнение высказывает Ю.Б. Полидович [Полидович, 1999, с.124].

⁷ “The bearers of the animal style were hunters and nomads, not peasants and agriculturists” [Rostovtzeff, 1929, p.68].

⁸ Эта точка зрения отражена также в советской литературе [Хазанов, Шкурко, 1976, с.40; Мелюкова, 1989, с.104].

предметов искусства как своего рода “язык” [Переводчикова 1994; Полидович, 1999, с.123] делает особенно соблазнительным разграничение материала по этому признаку, поиск “диалектов”, и тем самым отграничение одних этнических групп древнего расселения от других.

Насколько вообще возможно выведение решений этнокультурного характера на основании стилистических различий исследуемых предметов искусства?

Определение этноса, как “общности, связанной единством территории, языка и самосознания”, делает этнические исследования абсолютно невозможными на основании археологического материала даже в том случае, когда он дополняется данными письменных источников, имеющих в случае с сарматами характер субъективных внешних описаний. Но, с другой стороны, исторический процесс можно реконструировать и не прибегая к строгим определениям этноса. Многое зависит от целей, которые ставит перед собой исследователь.

Хотя почти невозможно установить, *что* доисторические общества понимали под изображениями, зато можно хорошо представить – *как* они думали [Huth, 2003, s.9]. Во всех обществах определяющим всегда являлось собственное отнесение себя человеком к определенному народу. Подобное самоопределение группы людей может быть выражено как самопонимание и самовыражение древних обществ⁹.

Различия в самоидентификации древних народов наиболее близко отражают то, что на современном языке определяется как этнические различия. Современные исследования показали, что этническое не было унитарным феноменом, ни в современном обществе, ни в прошлом, и что оно точно также было продуктом разнообразных проявлений культурной дифференциации, репродуцированным и

трансформированным во множестве различных социальных групп, как прошлого, так и настоящего [Jones, 1997, p.104-105].

Если целью стилистического исследования является выделение групп предметов, имеющих распространение в обществах, самовыражение и самопонимание которых отличалось в прошлом от самоидентификации других обществ, то такое исследование можно теоретически считать этнической реконструкцией прошлого.

Когда артефакты охарактеризованы в терминах их стилистических признаков, стабильное территориальное распределение групп этих признаков может отражать определенный социально-культурный феномен (например, этнические группы и т.п.) или определенную ступень в развитии культурных систем (например, специализация ремесел или развитие племенного строя) [Conkey, 1996, p.9].

Какие стилистические признаки играют преимущественную роль в выделении групп предметов, связанных с самоидентификацией древних обществ?

Каждое изображение имеет своего творца и своего адресата. Изображение – это артефакт, который сотворен своим автором с определенной целью имеющимся в его распоряжении средствами и [Huth, 2003, s.21]. При этом роль, которую предмет искусства играет в культуре, меняется в зависимости от значимости, приписываемой этому предмету людьми, и не имеет отношения к обстоятельствам его изготовления [Wells, 2001, p.8-9].

Поэтому в стилистическом исследовании, целью которого является поиск *этнического* в археологическом материале, особенно важно определение стабильных сочетаний признаков, отражающих предпочтения местного населения в области форм и сюжетов, а также распространение отдельных категорий вещей

⁹ “**Ethnic group**: any group of people who set themselves apart and/or are set apart by others with whom they interact or co-exist on the basis of their perceptions of cultural differentiation and/or common descent” [Jones, 1997, p.XIII]. “Этническая группа: любая группа людей, которая отделяет себя или отделена другими группами, с которыми она контактирует или сосуществует, на базе своих представлений о культурной дифференциации или общего происхождения”.

на определенной территории¹⁰. Признаки же производственной традиции (мелкие детали исполнения, регулярно повторяющиеся на изделиях одной мастерской или производственной школы) в данном исследовании не имеют существенного значения.

Попробуем применить этот метод по отношению к некоторым изделиям “сарматского звериного стиля”¹¹.

Для анализа были выбраны следующие категории предметов сарматского времени, украшенных зооморфными изображениями: украшения костюма (гривны, браслеты, серьги), драгоценная посуда, инсигнии власти (ритуальные пластины/жезлы). В качестве исследуемой территории рассматриваются степи Восточной Европы, ограниченные Днестром на западе и Волгой на востоке. Хронологические рамки исследования – III в. до н.э. – I в.н.э.

Гривны и браслеты

Наиболее характерными для сарматского звериного стиля предметами, особенно интересными с точки зрения их отношения к этническому самосознанию, являются гривны и браслеты.

Обычай ношения этих украшений традиционно связывается с культурой варваров – персов, скифов, кельтов, германцев и других народов. В глазах эллинов и римлян гривна была в определенном смысле символом варварства. Это отражено как античной литературе, так и на древних изображениях.

Геродот сообщает о том, что гелоны снимали с поверженных персидских воинов браслеты и гривны, забирали их золотые мечи, золотые чаши и другие драгоценные сосуды

[Herod., Hist. IX, 80]. В другом месте “Истории”, при описании войска Ксеркса [Herod., Hist. VIII, 113], он называет персов “носящими гривны и браслеты”. Гривны, браслеты, предметы конского убора являлись подарками, которыми одаривали цари своих подданных и друзей [Herod., Hist. III, 20; Xenophon, Cyropaedia. VIII, ii, 8]. Курций Руф упоминает расшитые золотом, унизанные драгоценными камнями одежды персов, их золотые пояса и оружие [Curtius Rufus, Biograph. Alex. III, 7-8].

Гривны и браслеты изображены на знаменитых иранских скальных рельефах: в Персеполе, на фасадах Накш-и Рустема, в Вавилоне и Сузах. Э. Рэм отметила интересный факт, что на постаменте статуи Дария I *только мидийцы и персы* изображены с браслетами на руках. Представители других народов, которые также показаны в их племенных костюмах, не имеют браслетов [Rehm, 1992, s.48].

По мнению Э. Рэм, необычно большие размеры некоторых браслетов позволяют сделать вывод о том, что их, возможно, изготавливали не для ношения, но в качестве дани или для посвящения в храм [Rehm, 1992, s.48]. Однако, как совершенно справедливо отметила Е.Ф. Королькова, некоторые многовитковые украшения могли также носить в качестве наплечных браслетов, чему есть соответствия в изобразительном материале [Королькова, 2001, с.68].

В погребальных комплексах на территории материковой и островной Греции гривны не встречаются, хотя другие категории нашейных украшений представлены очень широко. Это косвенно подтверждает тот факт,

¹⁰ Географическое распределение различных мотивов (по видам животных) сарматского звериного стиля провел Н.Е. Берлизов, рассмотревший употребление в орнаментике различных предметов сарматского звериного стиля изображений конкретных животных как эмблемы рода, фратрии и других, более крупных социальных подразделений [Берлизов, 2003, с.11-17]. Однако интересные выводы, сделанные в работе, не подкреплены, к сожалению, ни списком предметов, выбранных для анализа, ни обоснованиями определения видов животных (что обычно весьма субъективно, поэтому читатель должен иметь право составить свое представление о предмете), ни картами распределения материала. В статье приведены только карты территории **от устья Дона до Зауралья** для **V в. до н.э.**, хотя речь идет в основном о регионе **Западная Украина – Прикубанье – Подонье – Поволжье** времени со **II в. до н.э. по I в. н.э.**

¹¹ Целью статьи является апробация метода на примере некоторых категорий материала, поскольку в рамках небольшой работы невозможно рассмотреть всю совокупность предметов звериного стиля сарматского времени.

что ношение гривен было преимущественно варварским обычаем.

Картографирование выполненных из драгоценных металлов гривен с зооморфными окончаниями или без них¹² в разные хронологические периоды (III-I вв. до н.э. и I-II вв. н.э.) дало интересные результаты (рис.1; 2; 3).

В период позднего эллинизма наибольшая концентрация гривен приходится на территорию Боспора и варварские памятники нижнего и среднего течения Кубани. При этом одинаково хорошо представлены как украшения с зооморфными деталями (рис.1, 2), так и неорнаментированные изделия (рис.1, 1). На остальной территории эти предметы почти не встречаются, за исключением единичных находок в устье Дона и на Нижней Волге.

В первые века н.э. ситуация меняется. Гривны с зооморфными окончаниями довольно редки (рис.2, 2). Концентрации их в каком-то определенном месте не отмечено, они обнаружены теперь, в основном, на периферии, вдалеке от античных центров, в том числе к западу (Пороги) и к северу (Титчиха) от основного центра их дислокации в предыдущем периоде. При этом гривны без зооморфных окончаний встречены преимущественно в комплексах поблизости от античных городских центров – Пантикапей, Горгиппия, Херсонес, Ольвия, Танаис (рис.2, 1). Их количество заметно превышает число предметов с зооморфными украшениями.

Интересно географическое распределение гривен с изображениями животных различных видов (рис.3). В памятниках Прикубанья, особенности в тех из них, которые примыкают к территории азиатского Боспора, абсолютное большинство составляют гривны с окончаниями в виде копытных животных. Шейные обручи, украшенные изображениями хищников и фантастических животных обнаружены на периферии этого региона – Ногайчик (фигуры трех фантастических хищников), Танаис (голова льва),

Новокубанск (голова хищника), Казинский клад (сцена терзания).

В первые века н.э. обручи, украшенные головами копытных животных обнаружены за пределами территории, на которой в эллинистическое время была отмечена их повышенная концентрация – в северо-западном Причерноморье (Пороги), в верховьях Дона (Титчиха), в верховьях Кубани (Ладожская).

Ситуация с браслетами не идентична картине, которую показывает выборка гривен, однако некоторые из выявленных тенденций совпадают.

В эпоху позднего эллинизма большинство находок драгоценных браслетов концентрируется в памятниках Прикубанья и территории, прилегающей к Боспору (рис.4, 1), хотя браслеты с зооморфными окончаниями в этом регионе почти не встречаются (рис.4, 2).

В первые века н.э. территорией наибольшей концентрации браслетов становятся районы, примыкающие к античным городским центрам – Пантикапей, Херсонес, Ольвия, Танаис (рис.5, 1). Браслеты с окончаниями в виде животных были особенно популярны в Нижнедонском регионе, в среднем течении Кубани (“Золотое кладбище”) и на правобережье Днепра (Ольвия, Запорожье, Петрики) (рис.5, 2).

Показательно, что изображения копытных животных на браслетах в первые века н.э. также встречаются преимущественно на территории Северного Причерноморья и Нижнего Дона (рис.6). Если рассмотреть вместе гривны и браслеты с изображениями копытных, то окажется, что в первые века н.э. ареал их распространения совершенно определенно переместился из Азиатского Боспора и Прикубанья в Северное Причерноморье. При этом в среднем течении Кубани этот вид украшений остался популярным и в римское время.

Серьги и височные подвески

Серьги и височные кольца – украшения, традиционно представленные как в античной, так и в варварской культуре.

¹² В качестве базы для подсчетов и картографирования частично послужил каталог ювелирных изделий Северного Причерноморья, составленный В.И. Мордвинцевой, М.Ю. Трейстера [Мордвинцева, Трейстер, 2007], а также материалы к каталогу ювелирных украшений и предметов торевтики из коллекции КГИАМЗ [Мордвинцева, Хачатурова, Юрченко, 2010].

Обычно этот тип украшений не рассматривался в числе изделий звериного стиля. Однако некоторые типы серег Прикубанья¹³ выполнены с использованием настолько характерной для звериного стиля стилизацией, что их вполне можно отнести к этому разряду. Имеются в виду височные кольца и височные подвески в виде фигурок козлов или баранов. Они изображены с подогнутыми ногами. При этом, как это было характерно для скифского звериного стиля, “копыта их не лежат друг на друге, а плотно стыкуются, так что подогнутые ноги образуют одну линию” [Переводчикова, 1994, с.159].

Большинство серег сделано по одной схеме. Фигурки животных спаяны из двух половинок, оттиснутых в форме. Рельеф очень слабый, детали показаны схематично. В некоторых случаях имеются напаянные детали – уши, вырезанные из кусочков фольги, глаза, показанные в виде кружка из проволоки, на который напаян шарик зерни, а также розетки из проволоки на теле животного. В отверстие на голове животного вставлена петля и квадратной в сечении, перекрученной проволоки, которая изображает также рога животного. Конец петли заходит в отверстие сзади. В некоторых случаях снизу к фигурке животного припаяны проволочные петли для шумящих подвесок. Иногда элементы орнамента из проволоки заполнены стеклянной пастой или каменными вставками.

Практически все известные экземпляры подобных серег или височных подвесок происходят с территории Прикубанья и датируются III-I вв. до н.э. (рис.7). Достоин внимания, однако, то обстоятельство, что совершенно аналогичные украшения обнаружены в погребении у с.Гордиевка на Западной Украине I в. н.э. [Мордвинцева, Трейстер, 2007, Кат. А61.1] (рис.8). Этот пример показывает ту же тенденцию, которая была зафиксирована в случае с гривнами и браслетами (перемещение находок к западу от Прикубанья – в Северное Причерноморье).

Драгоценная посуда

Столовая посуда, изготовленная из дра-

гоценных металлов, всегда была знаком высокого социального статуса. Среди драгоценных сосудов, обнаруженных в комплексах III в. до н.э. – II в. н.э., к изделиям звериного стиля можно отнести чаши, кубки и крупные сосуды с зооморфными ручками. Они найдены в комплексах Косики [Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1993, с.148-151, рис.5], Высочино [Беспалый, 1985, с.163, 165, 167, № 2-3, рис.4, рис.6, 2; Лукьяшко, 2000], Криволиманского [Максименко, 1998, рис.50, 3], Хохлача [Смирнов Я.И., 1909, табл.10, 26], Мигулинской [Веселовский, 1905, с.362-365], Порогов [Симоненко, Лобай, 1991, с.26, 28, № 15, рис.16, табл.22], Тифлисской [Гущина, Засецкая, 1994, с.32, табл.31, кат.298], Бердии [Мордвинцева, Сергацков, 1995, с.116, рис.5, 1-2], Жутово [Мордвинцева, 2000, рис.2, 1-2], Октябрьского [Мыськов, Кияшко, Скрипкин, 1999, рис.3, 2], Вербовского [Мамонтов, 2000]. Серебряные зооморфные ручки от сосудов найдены в ограбленном склепе Усть-Альминского могильника [Loboda, Puzdrovskij, Zajcev, 2002, Abb.4, 1, 2]. Эти предметы неоднократно рассматривались в литературе [Симоненко, Лобай, 1991, с.58; Трейстер, 1994, с.176; Мордвинцева, 2000, с.151; Korolkova, 2000, p.61-64; Королькова, 2003; Treister, 2005].

По-видимому, чаши и кубки с тяжеловесными, перевешивающими сосуд ручки были предназначены не для того, чтобы их ставили на стол, но для подвешивания. Особая социальная функция этих сосудов хорошо иллюстрируется сообщением Геродота, который упоминает обычай ношения драгоценной чаши на поясе у скифов, причем тесно связывает данный сюжет с легендой о происхождении этого народа [Herod. Hist., IV, 10]. Для античной культуры подобные сосуды не были характерны.

Среди фигурок животных, выполняющих роль ручек сосудов, представлены: 1) кошачий хищник (чаша и кувшин из Высочино, к.28; чаша из Высочино, к.22; Мигулинская); 2) волк (Вербовский); 3) орлиный грифон (Бердия); 4) хищная птица (Тифлисская; Жу-

¹³ Эти серьги происходят из комплексов эллинистического времени Курганинска, Ладожской, Старокорсунской, Тимашевска, Воронежской, Елизаветовской, Пашковского, Серегинского.

тово, Усть-Альма); 5) лошадь (Криволиманский, к.16? п.9); 6) лось (Хохлач; Пороги; Усть-Альма); 7) заяц (Октябрьский); 8) кабан (Косика).

Хищные птицы украшают край только полусферических чаш. Копытные (лошадь и лось) и хищники/фантастические животные помещены преимущественно на кубки грушевидной и шаровидной формы. Любопытно, что, в отличие от скифских, на сарматских сосудах с зооморфными ручками никогда не используются изображения отдельных частей животных. Не встречаются также и сцены борьбы зверей, как на некоторых сосудах Филипповки [The Golden Deer of Eurasia, 2000, No. 25; 73; 74; 77].

В эллинистический период находки драгоценной посуды без зооморфных изображений концентрируются на Боспоре и в Прикубанье (рис.9, 1). Сосуды с зооморфными ручками в это время очень редки (рис.9, 2).

В первые века н.э. центр наибольшего распространения сосудов из драгоценных металлов перемещается в район Нижнего Дона (рис.10, 1). Основной территорией бытования сосудов с зооморфными ручками являлись Нижний Дон и Волго-Донское междуречье (рис.10, 2). Обособленное положение этого региона хорошо заметно при сравнении с общей картой находок драгоценной посуды.

Картографирование типов зооморфных изображений (рис.11) показывает, что сосуды с ручками в виде хищников и фантастических животных обнаружены на Нижнем Дону и в Волго-Донском междуречье. Ручки в форме птиц и копытных животных найдены в устье Дона, в верховьях Кубани, в юго-западном Крыму, на правом берегу Днепра.

Ритуальные пластины/жезлы

К ритуальным предметам относятся прямоугольные пластины вытянутой формы, украшенные зооморфными изображениями (рис.12)¹⁴. Они сделаны из золотой фольги, изображения оттиснуты на деревянных резных моделях, остатки которых в некоторых случаях были обнаружены внутри изделий, как, например, в кургане 4 могильника Барановка-I.

Пластины из Писаревки, Жутово, Королей, Питерки и Раздольной объединяются по стилистическим особенностям изображенных на них животных (выворачивание тела под углом 180°, угловатость в передаче линий тела, использование рельефных полос с поперечными черточками для оформления хребта, гривы и т.п.), а также по одинаковому орнаментальному оформлению края (рельефные параллельные полосы, “овы”). Все они найдены в погребениях воинов высокого социального класса на особо важных, сакральных местах – меч, колчан, левая кисть руки. Из этого можно сделать вывод о том, что они были изготовлены с особой ритуальной целью и, возможно, являлись инсигниями власти, демонстрируя высокий социальный статус владельца. Две другие пластины – из Барановки и Октябрьского отличаются стилистически от описанных выше предметов. Однако обстоятельства их находки позволяют предположить то же самое их назначение.

Предмет из Барановки был интерпретирован как обкладка ножен меча [Сергацков, 1999, с.37]. Он был найден в погребении без костяка, у стенки могилы. Под пластиной найдены мелкие чешуйки железа [Сергацков, 2000, с.24-26], которые не дают достаточных оснований для того, чтобы считать их фрагментами кинжала, поскольку не обнаружено никаких его конструктивных элементов (рукояти, перекрестия, клинка или навершия). По своим параметрам данный предмет вполне вписывается в группу “ритуальных пластин”, описанных выше.

Пластина из Октябрьского была найдена, подобно аналогичному предмету из Питерки, на костях предплечья левой руки. Авторы публикации интерпретировали золотую обкладку как ритуальный жезл [Мыськов, Кияшко, Скрипкин, 1999, с.152], подчеркивая этим ее сакральный характер. Представляется, что особый смысл этого предмета был совершенно правильно понят авторами раскопок и публикации.

Во всех описанных случаях “ритуальные пластины” были обнаружены при мужских

¹⁴ Писаревка-II к.6 п.2; Жутово к.27 п.4; Короли к.4 п.1; Барановка-1 к.4 п.1; Октябрьский-V к.1 п.1; Питерка; Раздольная к.7 п.13.

погребениях воинского характера (в случае с Барановкой никаких остатков костяка не было найдено, однако состав погребального инвентаря можно охарактеризовать, как набор воина высокого социального ранга). Они были вырезаны из дерева и покрыты золотой пластиной. Такой способ изготовления, а также сакральный характер самих предметов позволяют сделать вывод, что все они были изготовлены в местной варварской среде, являясь своеобразными фетишами.

Пластины, в орнаменте которых использованы рельефные параллельные линии и “овы” по краю, найдены в погребениях II-I вв. до н.э. Декоративная обкладка из Октябрьского датируется несколько позже – I в. до н.э. – первой половиной I в.н.э. [Мордвинцева, 2003, с.66].

Картографирование этих предметов показывает, что основное их ядро независимо от хронологического периода размещается в Волго-Донском междуречье (рис.12, 1). На жезлах изображались преимущественно сцены терзания или многофигурные композиции с изображением хищных или фантастических животных (рис.12, 2).

Какие выводы можно получить из проведенного анализа нескольких групп предметов звериного стиля? Кратко суммируем полученные данные.

Вполне отчетливо наблюдаются определенные тенденции, как в распространении отдельных категорий вещей, так и в сюжетных предпочтениях. Эти тенденции особенно хорошо видны на сводных картах (рис.13; рис.14).

В эпоху позднего эллинизма основной территорией распространения предметов звериного стиля является в целом Прикубанье – как район нижнего течения Кубани, прилегающий в Боспорскому царству, так и среднее течение реки с ее главным притоком Лабой. Другим регионом с довольно значительным количеством предметов звериного стиля является в это время Волго-Донское междуречье. Однако два обозначенных центра отличаются друг от друга и по категориям вещей, и по изображенным на них сюжетам, и по степени концентрации находок. Если в Прикубанье об-

наружено большинство гривен и практически все серьги в виде фигурок козлов/баранов, то в Волго-Донском междуречье найдены браслеты, сосуды с зооморфными ручками и почти все известные ритуальные жезлы.

Картина меняется в первые века н.э. В районах Прикубанья, примыкающих к Боспору, предметы звериного стиля отсутствуют, хотя, как видно из карт распространения предметов из драгоценных металлов без зооморфных изображений, вещи социального престижа продолжают здесь помещаться в комплексы местной знати. Только территория среднего течения Кубани, т.н. район “Золотого кладбища”, по-прежнему дает примеры звериного стиля.

Основным же центром распространения предметов звериного стиля в римское время становится Нижний Дон. Наряду с этим регионом большая концентрация предметов звериного стиля стабильно наблюдается в Волго-Донском междуречье. Вместе с тем территория Правобережья Днепра, где в эпоху позднего эллинизма звериный стиль полностью отсутствовал, тоже становится одним из центров распространения этих вещей.

Локализация отдельных категорий находок показывает, что на Нижнем Дону зафиксированы практически все типы предметов звериного стиля. В Волго-Донском междуречье по-прежнему концентрируются находки ритуальных жезлов (их становится меньше) и сосудов с зооморфными ручками (их становится заметно больше). В степях западнее Днепра найдены преимущественно браслеты с зооморфными окончаниями. Особый интерес представляет находка в Порогах кубка с зооморфной ручкой и серег в виде козлов/баранов в Гордиевке. И тот, и другой предмет обнаружены очень далеко от территории их основного местонахождения, в случае с Гордиевкой отличаются и хронологические рамки распространения подобных вещей.

Не менее интересную картину дает картографирование различных мотивов звериного стиля. Изображения копытных животных в эллинистическую эпоху концентрируются в Прикубанье. В первые века н.э. основной территорией распространения подобных изображений становится северо-западное Причер-

номорье. В то же время в Прикубанье эти сюжеты продолжают встречаться на территории среднего течения Кубани и в предгорьях (среднее течение Лабы). Хищники/фантастические животные и сцены терзания/ряды животных (в которых изображены преимущественно хищники/фантастические животные) и в период позднего эллинизма, и в раннеримское время встречаются, прежде всего, в Волго-Донском междуречье и на Нижнем Дону. Нижний Дон в первые века н.э. предстает территорией, где представлены практически все известные сюжеты звериного стиля.

Отраженная на картах картина является, по всей видимости, объективным следствием культурных изменений, произошедших в степях Восточной Европы в период с III в. до н.э. по II в. н.э. Это факт, который требует своего объяснения.

Если принять за отправную точку тезис, что через помещение определенных предметов в погребальный контекст культура в определенной степени проявляет свою идентичность, то выявленные тенденции можно интерпретировать следующим образом.

В Волго-Донском междуречье и прилегающей к нему с севера территории в эпоху эллинизма обитало население, у которого в качестве инсигний власти фигурировали, в частности, ритуальные жезлы. Находка одного такого жезла в Прикубанье (Раздольная) можно рассматривать в русле социальных связей населения данных регионов.

В первые века н.э. в Волго-Донских степях основной находкой предметов звериного стиля становятся сосуды с зооморфными ручками. Не исключено, что это было следствием определенного воздействия на местную культуру культуры населения Нижнего Дона, где также отмечена большая концентрация этих предметов. Каких-либо значимых перемещений предметов звериного стиля, характерных для данного региона, в западном или южном направлении на протяжении рассматриваемого периода не было.

Прикубанье в эпоху эллинизма являлось территорией наибольшего распространения предметов звериного стиля. По-видимому, в это время и античные центры азиатского

Боспора попали под влияние варварского населения этого региона, поскольку зооморфные гривны с зооморфными окончаниями встречаются и на собственно греческой территории (Буерова Могила, Ахтанизовская). Связями с населением Прикубанья следует объяснять, по-видимому, и находку гривны в богатом погребении Ногайчинского кургана.

В первые века н.э. греческие городские центры Боспора, как видно, усиливаются. Вследствие этого усиливается и влияние античной моды на местное население.

В Прикубанье предметы звериного стиля продолжают быть в ходу в районах, задвинутых в глубь рассматриваемой территории. Не исключено, что какая-то часть населения Прикубанья передвинулась при этом на запад, в степи Поднепровья и Приднестровья, что документируется сравнительно большой концентрацией в этом районе изображений копытных животных, так характерных для Прикубанья.

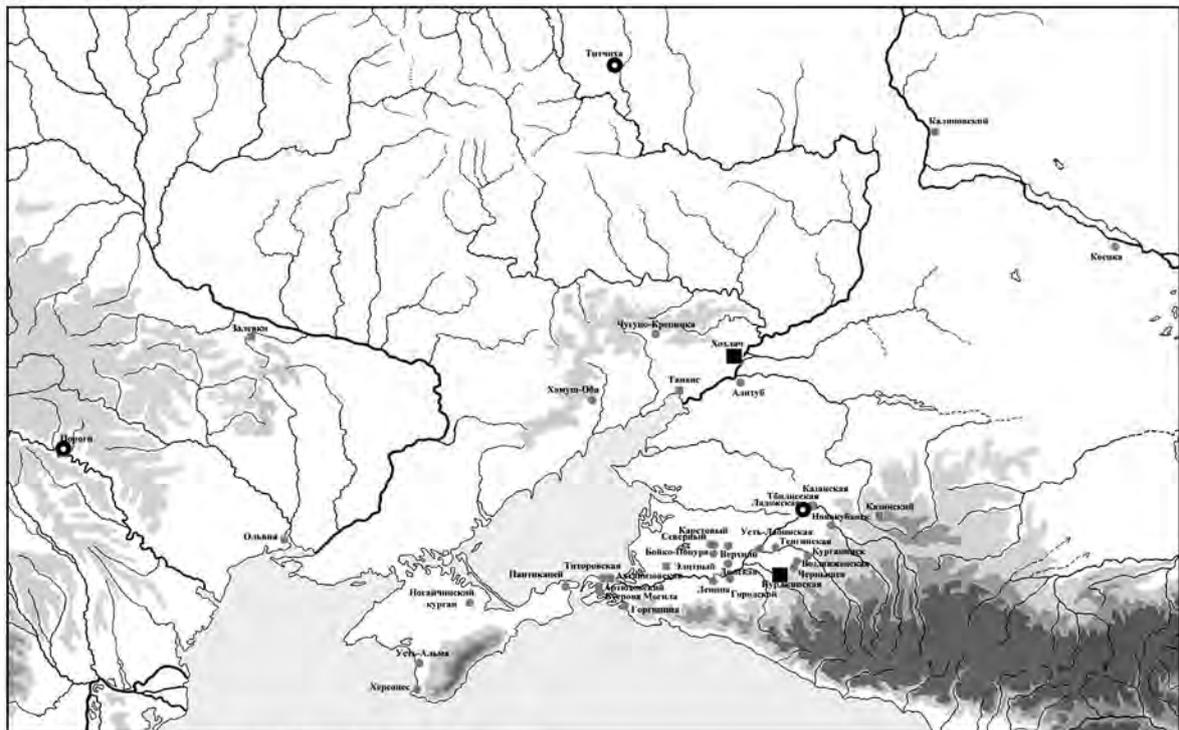
Нижний Дон, где в эллинистическую эпоху имелось сравнительно мало социально значимых комплексов, сопровождающихся предметами звериного стиля, в первые века н.э. становится самой богатой территорией, основным центром варварского мира в Северном Причерноморье. Здесь появляются предметы, ранее неизвестные на близлежащих территориях (в том числе, не рассматриваемые в данной статье поясные наборы и оружие). Этот факт может быть объяснен как изменением этнополитической обстановки в регионе, так и изменением направления торговых связей (которые также могли быть обусловлены этнополитическим фактором). При этом, в первые века н.э. наиболее тесные взаимоотношения связывали, по-видимому, население Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья.

Полученные результаты не могут считаться окончательными, поскольку в исследование были включены только некоторые, хотя и очень важные, категории материала. Однако они демонстрируют реальные тенденции, которые отражают связи и, возможно, перемещения древнего населения различных регионов.

- - изображения хищников и фантастических животных
- - изображения копытных
- - изображения змей

1

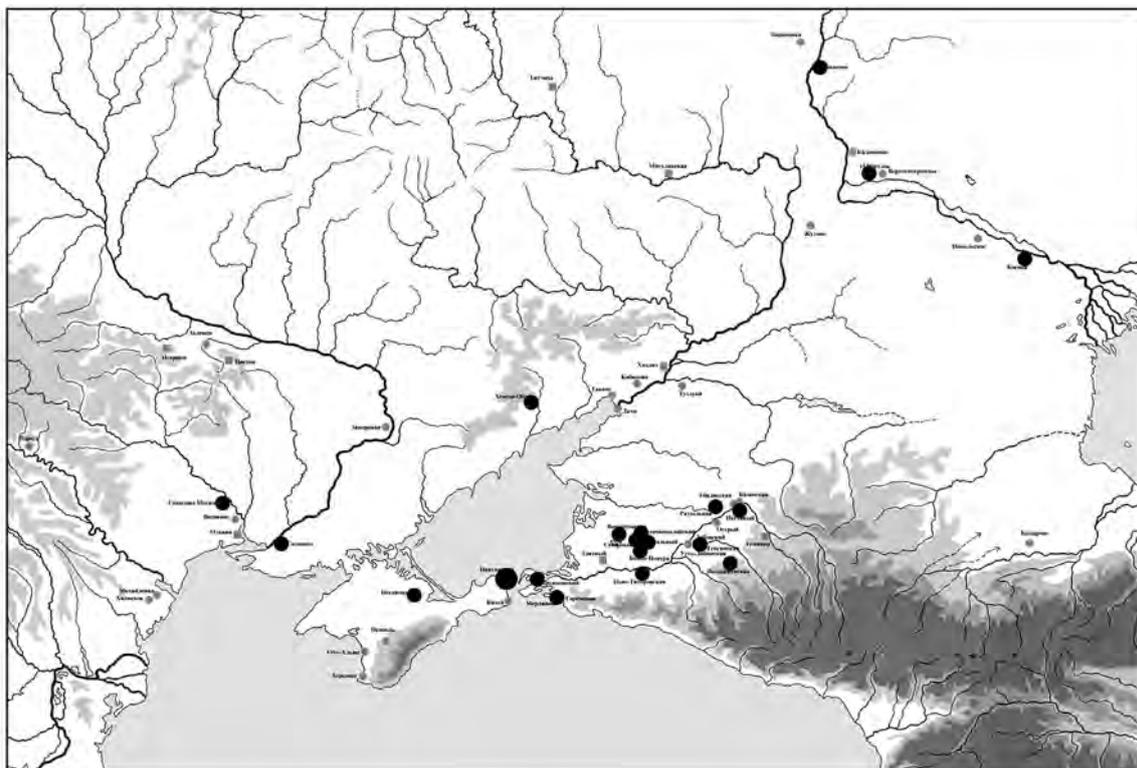

- - изображения хищников и фантастических животных
- - изображения копытных

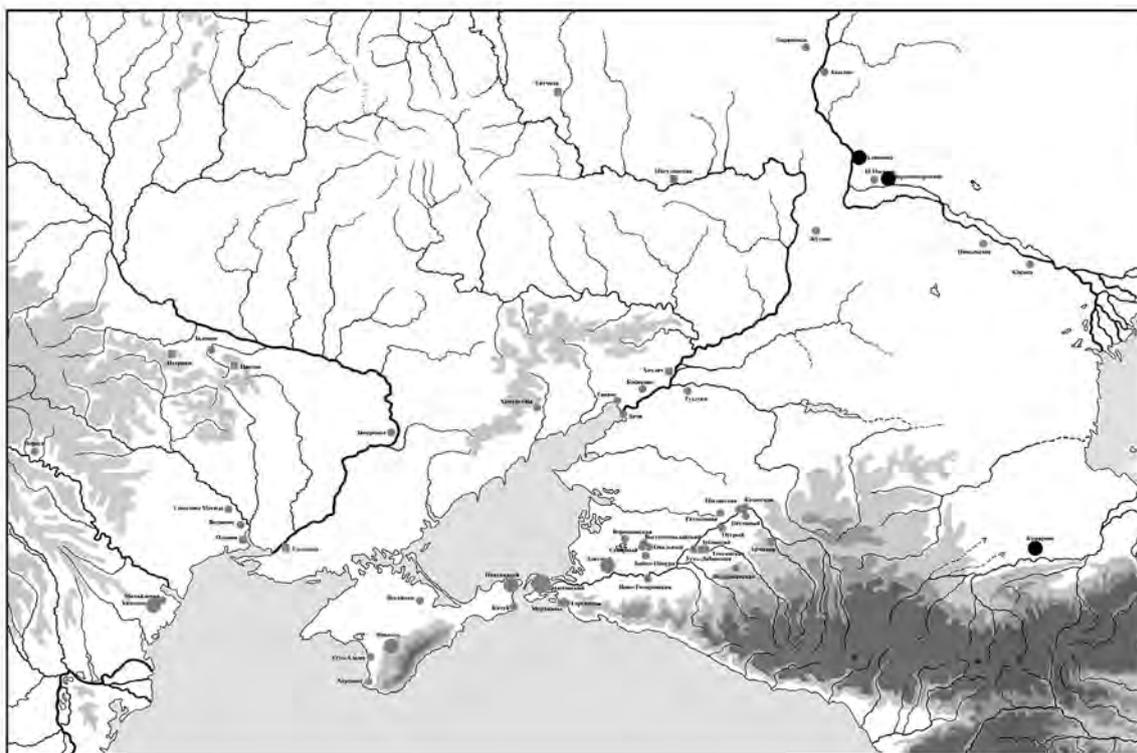
2

Рис. 3. Карта распространения мотивов, изображенных на гривнах: 1 – III-I вв. до н.э.; 2 – I-II вв. н.э.

Fig. 3. The map of distribution of motives represented on the torques: 1 – 3rd – 1st centuries BC; 2 – 1st – 2nd centuries A.D.

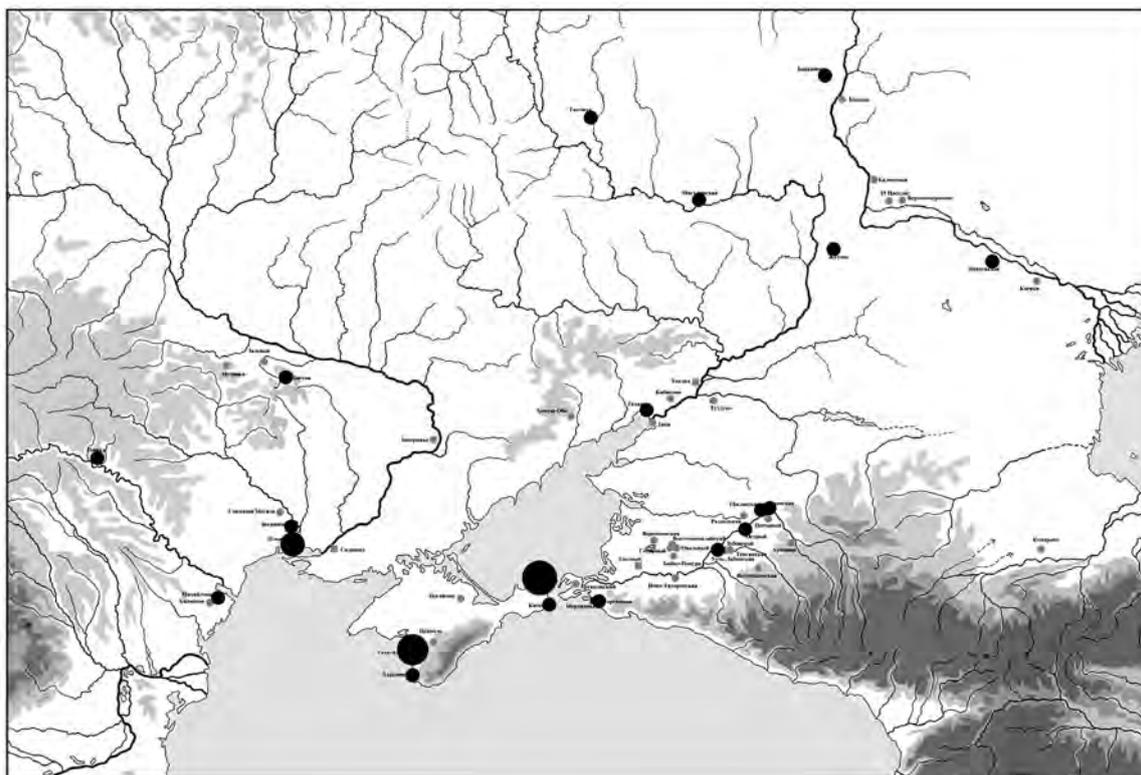
1

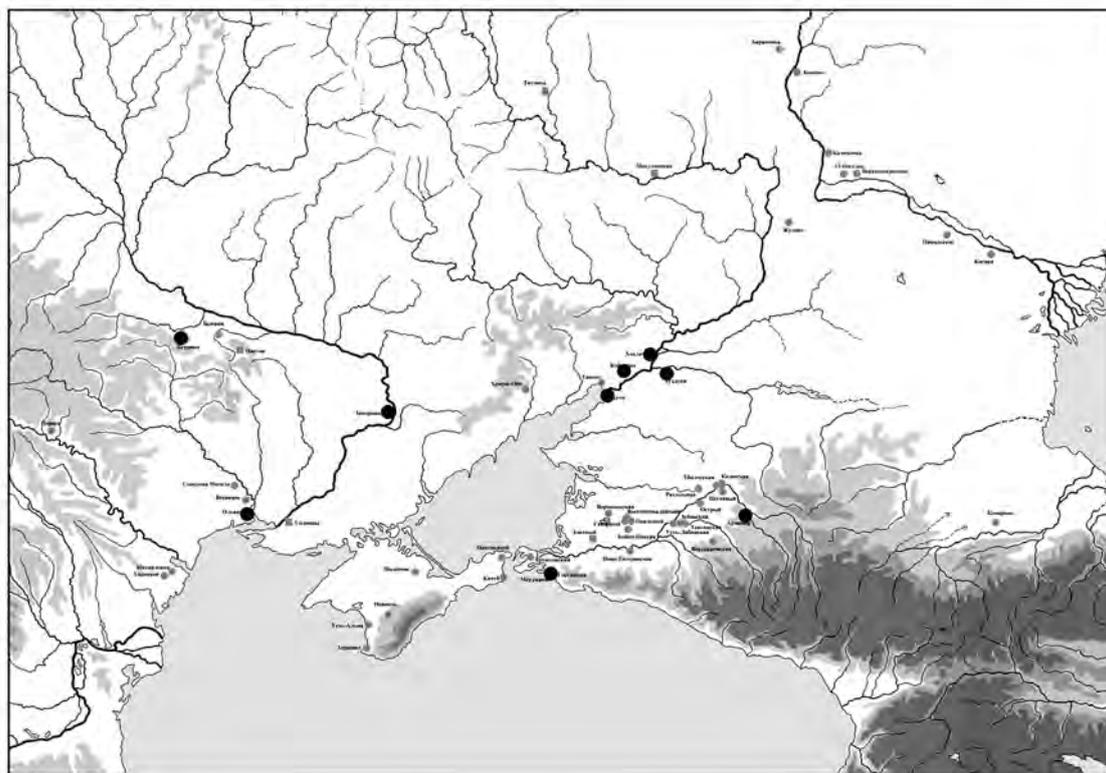
2

Рис. 4. Карта распространения браслетов из драгоценных металлов. III-I вв. до н.э.: 1 – браслеты без зооморфных окончаний; 2 – браслеты с зооморфными окончаниями.

Fig. 4. The map of distribution of armrings made of precious metals. 3rd – 1st centuries BC: 1 – armrings without zoomorphic endings; 2 – armrings with zoomorphic endings.

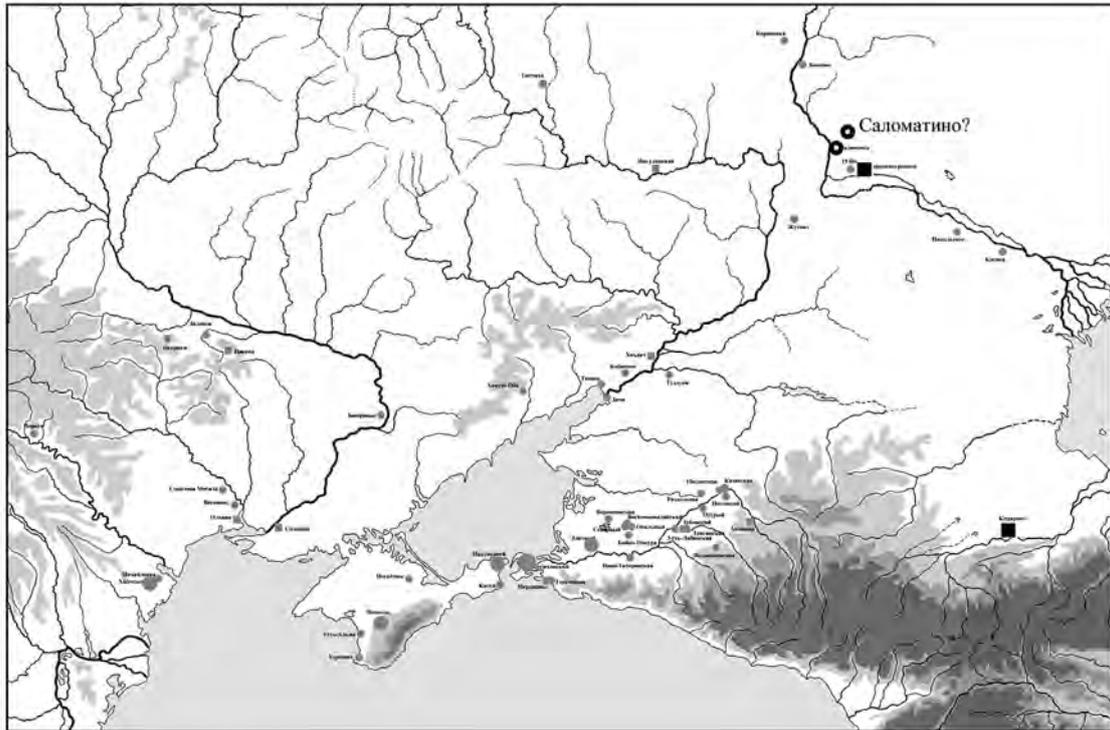
1

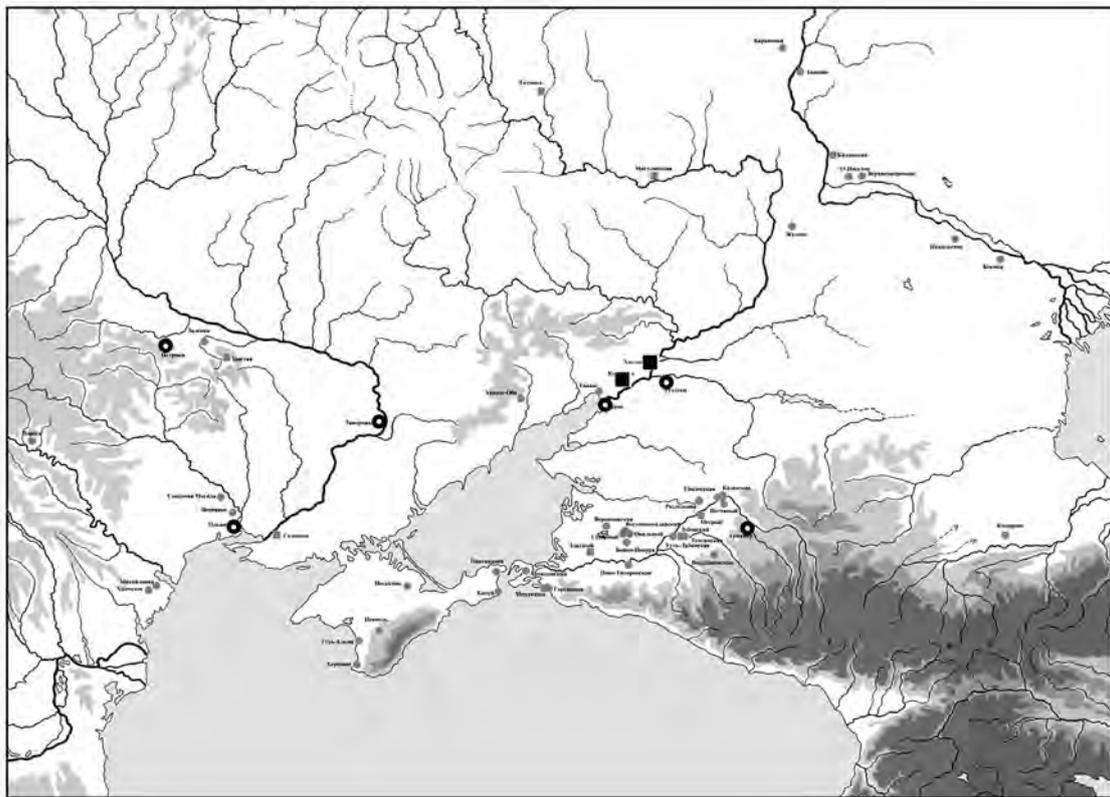
2

Рис. 5. Карта распространения браслетов из драгоценных металлов. I-II вв. н.э.: 1 – браслеты без зооморфных окончаний; 2 – браслеты с зооморфными окончаниями.

Fig. 5. The map of distribution of armrings made of precious metals. 1st – 2nd centuries AD: 1 – armrings without zoomorphic endings; 2 – armrings with zoomorphic endings.

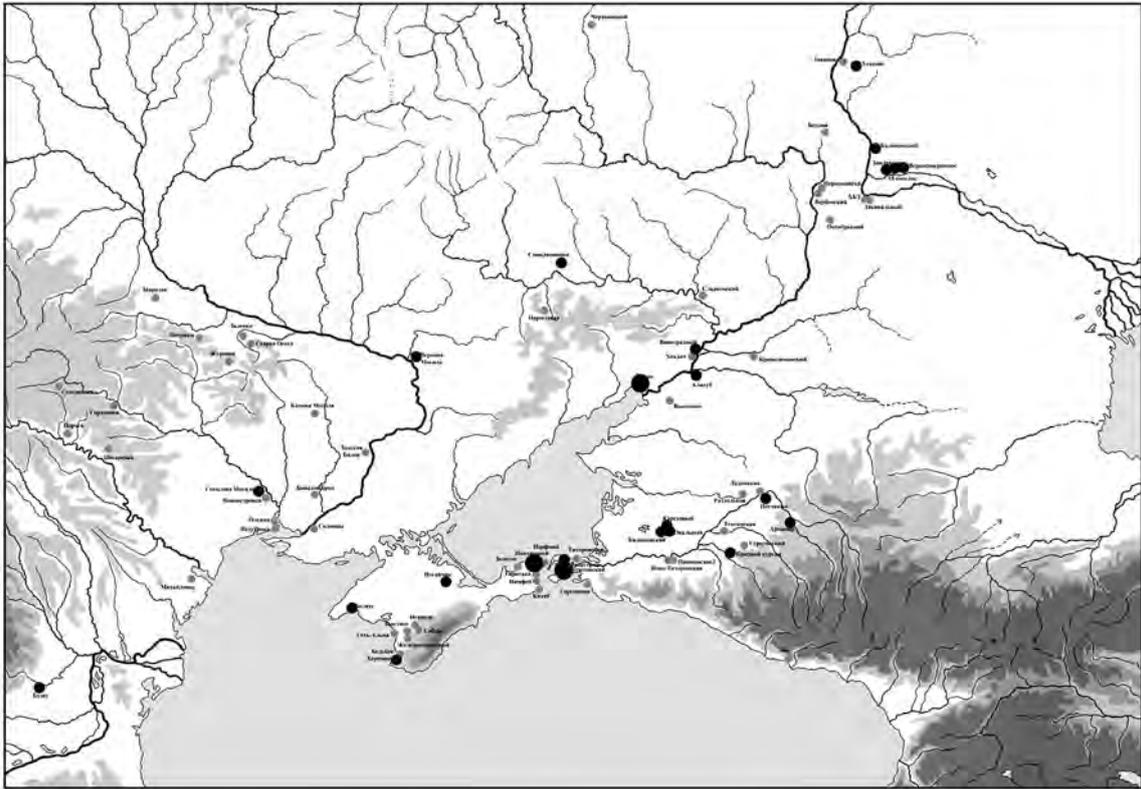
1

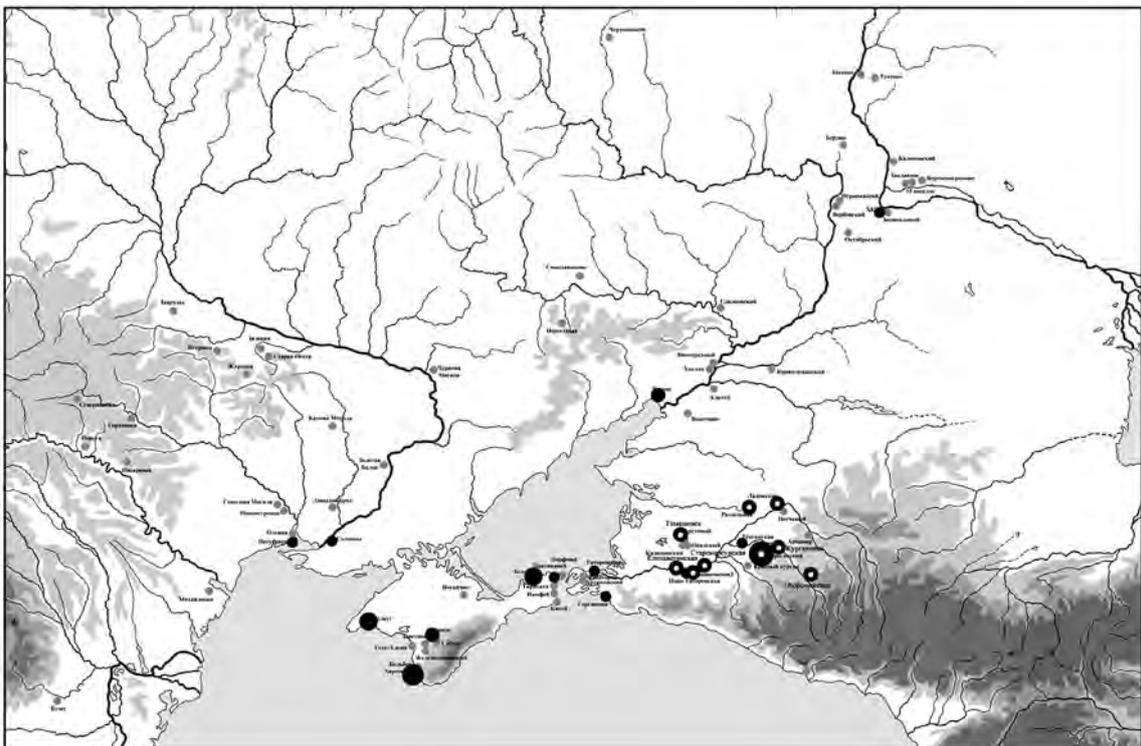
2

Рис. 6. Карта распространения браслетов с зооморфными окончаниями: 1 – III-I вв. до н.э.; 2 – I-II вв. н.э.

Fig. 6. The map of distribution of motives represented on the armrings: 1 – 3rd – 1st centuries BC; 2 – 1st – 2nd centuries A.D.

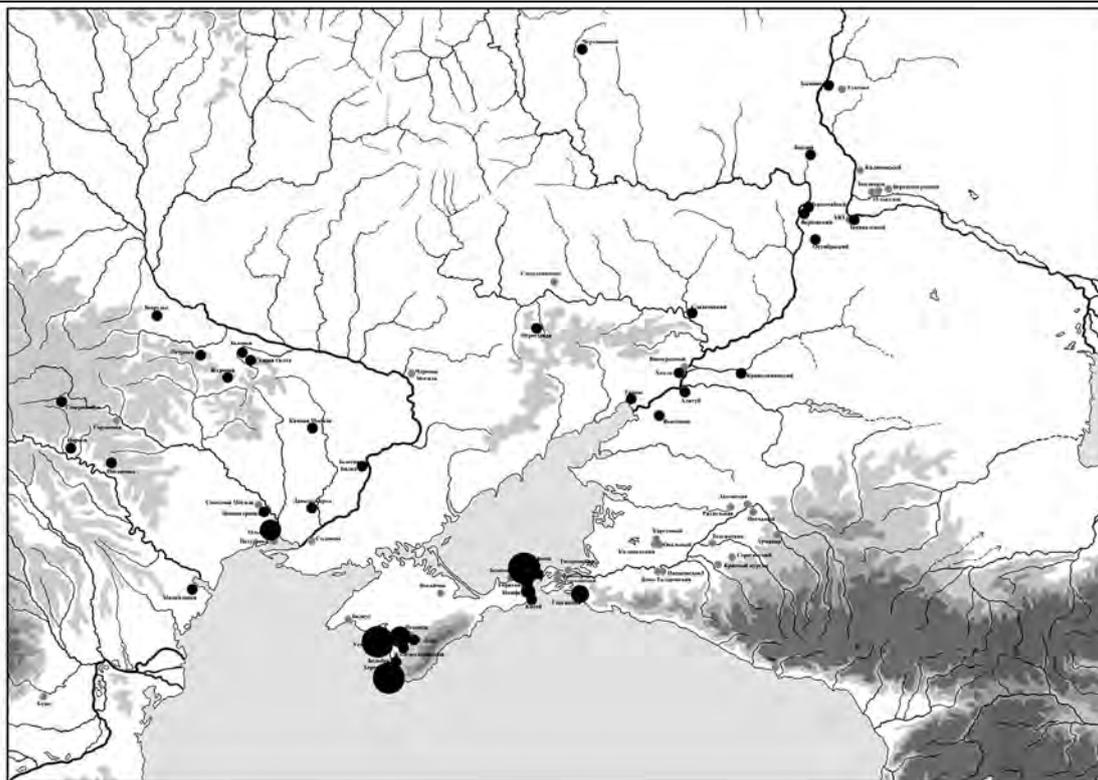
1

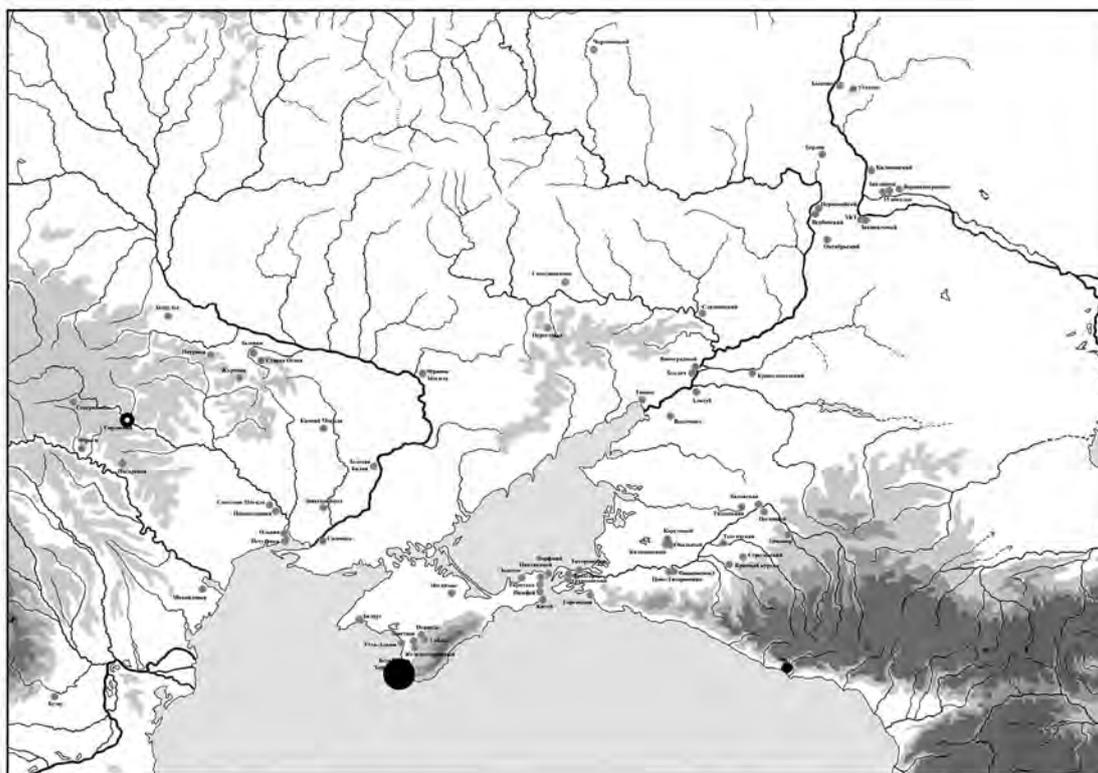
2

Рис. 7. Карта распространения серег/височных подвесок из драгоценных металлов. III-I вв. до н.э.: 1 – без зооморфных изображений; 2 – с зооморфными изображениями.

Fig. 7. The map of distribution of earrings/temple pendants made of precious metals. 3rd – 1st centuries BC: 1 – without zoomorphic endings; 2 – with zoomorphic endings.

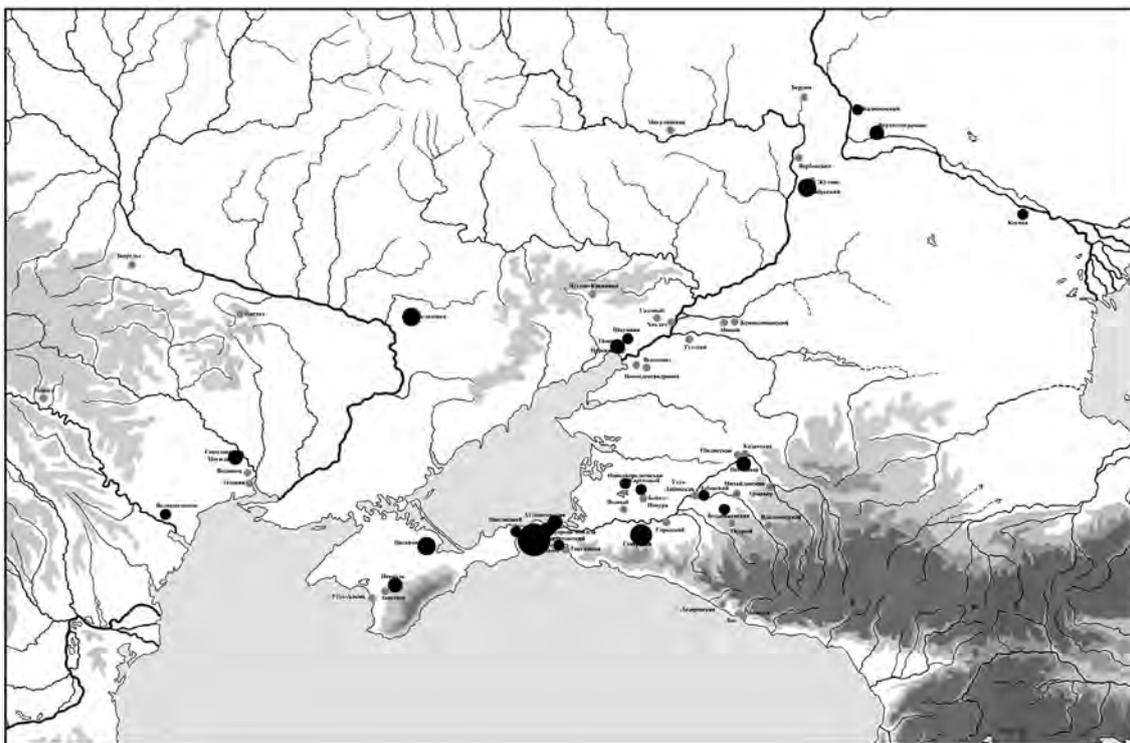
1

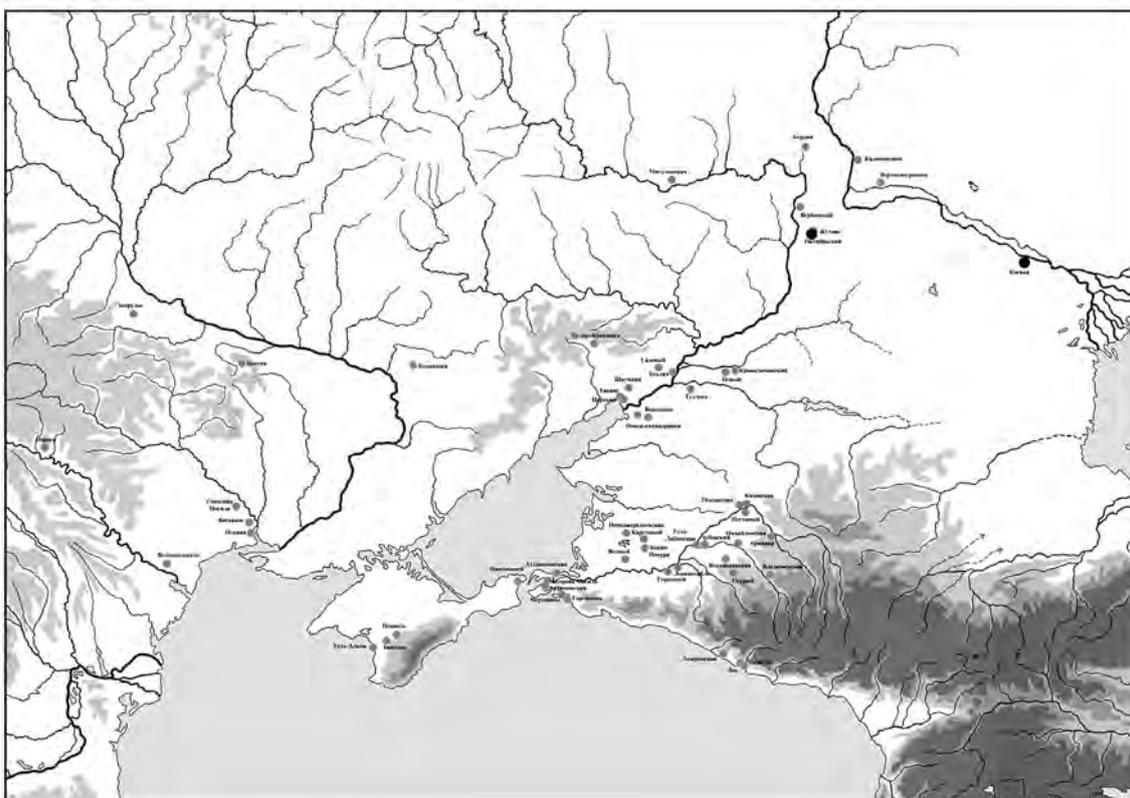
2

Рис. 8. Карта распространения серег/височных подвесок из драгоценных металлов. I-II вв. н.э.: 1 – без зооморфных изображений; 2 – с зооморфными изображениями.

Fig. 8. The map of distribution of earrings/temple pendants made of precious metals. 1st – 2nd centuries AD: 1 – without zoomorphic representations; 2 – with zoomorphic representations.

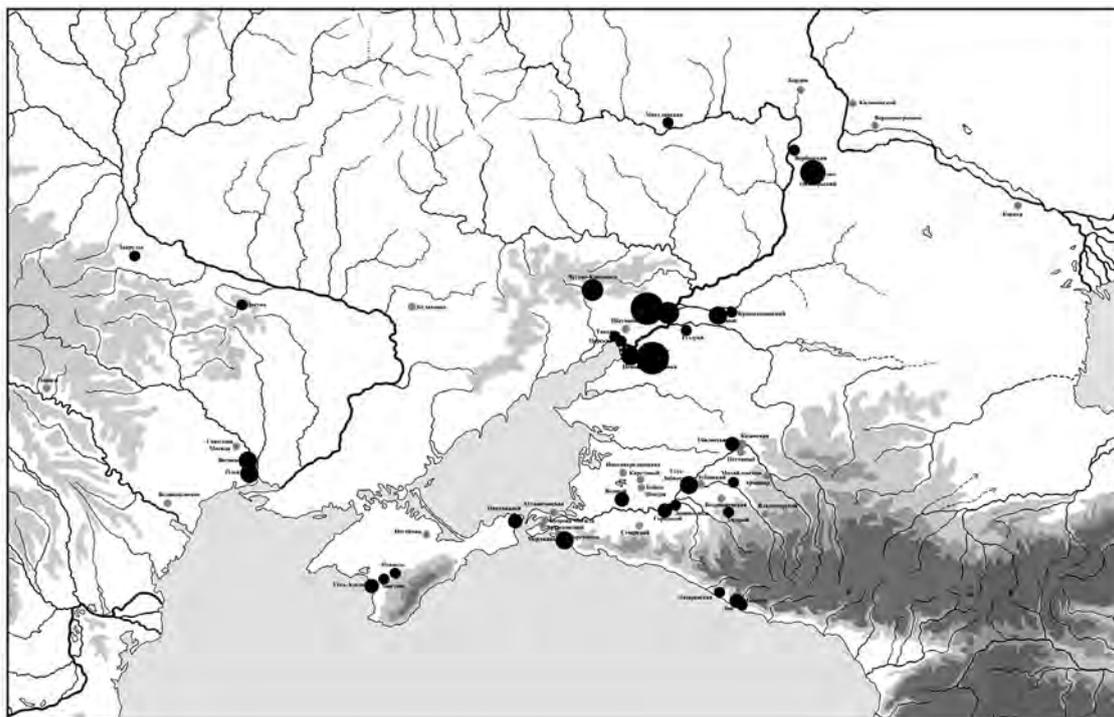
1

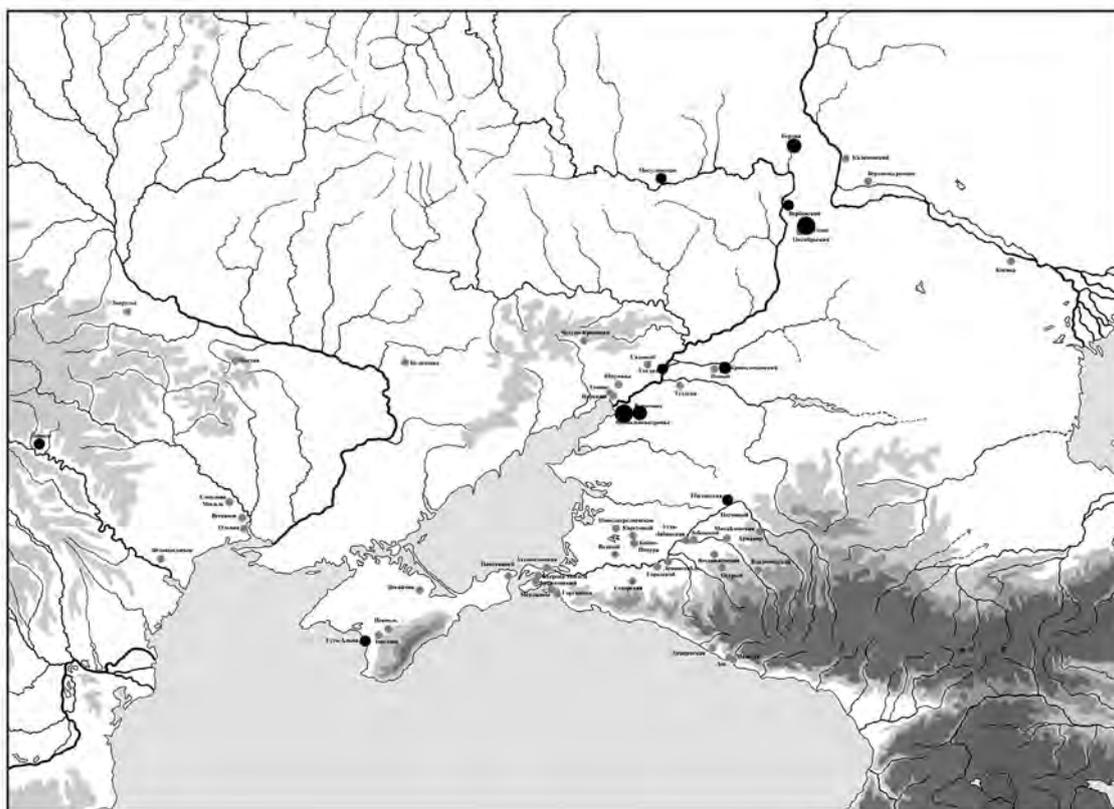
2

Рис. 9. Карта распространения посуды из драгоценных металлов. III-I вв. до н.э.: 1 – без зооморфных изображений; 2 – с зооморфными изображениями.

Fig. 9. The map of distribution of vessels made of precious metals. 3rd – 1st centuries BC: 1 – without zoomorphic representations; 2 – with zoomorphic representations.

1

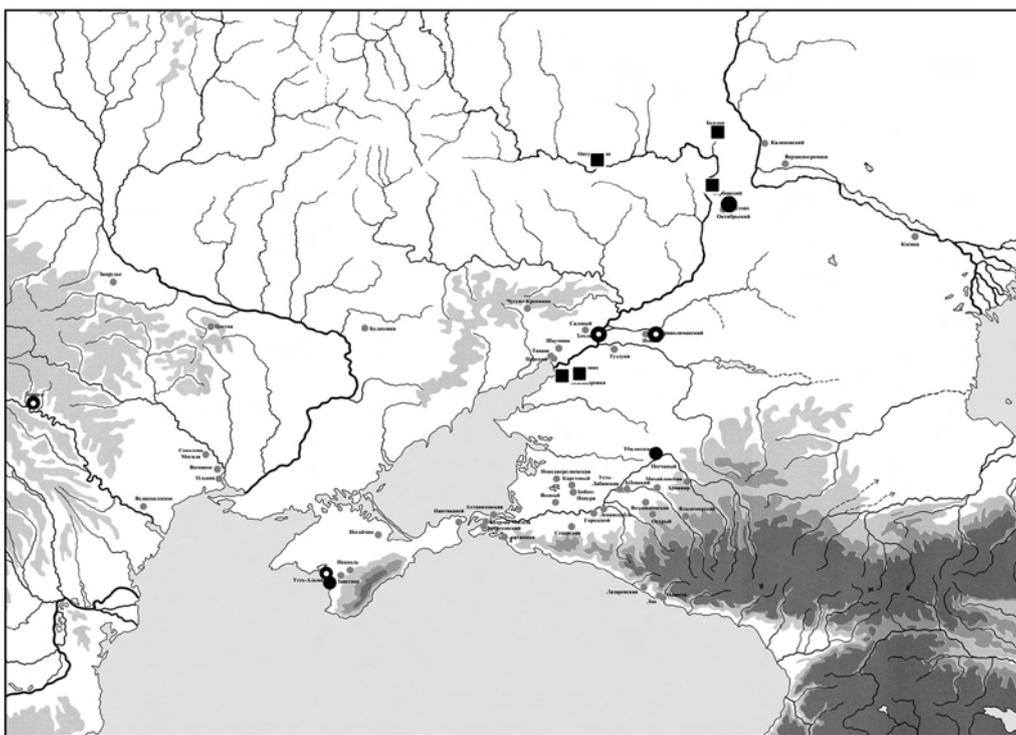
2

Рис. 10. Карта распространения посуды из драгоценных металлов. I-II вв. н.э.: 1 – без зооморфных изображений; 2 – с зооморфными изображениями.

Fig. 10. The map of distribution of vessels made of precious metals. 1st – 2nd centuries AD: 1 – without zoomorphic representations; 2 – with zoomorphic representations.

1

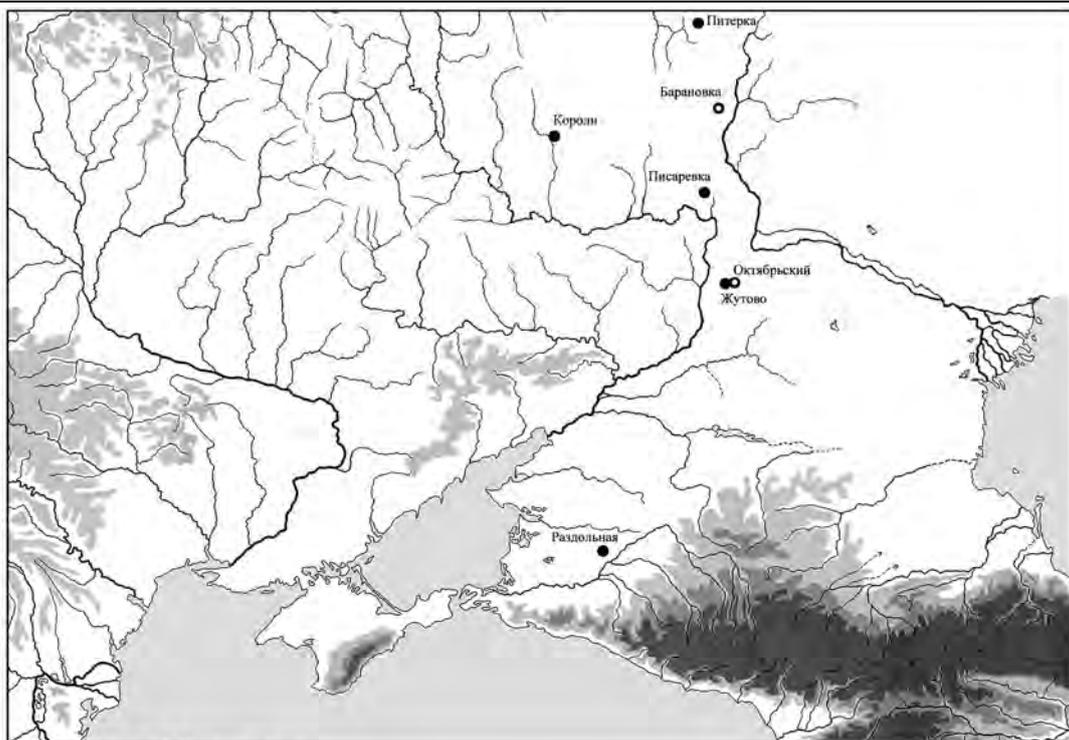

- - ручки в форме хищника или фантастического животного
- - ручки в форме зайца
- - ручки в форме птицы
- - ручки в форме копытного животного

2

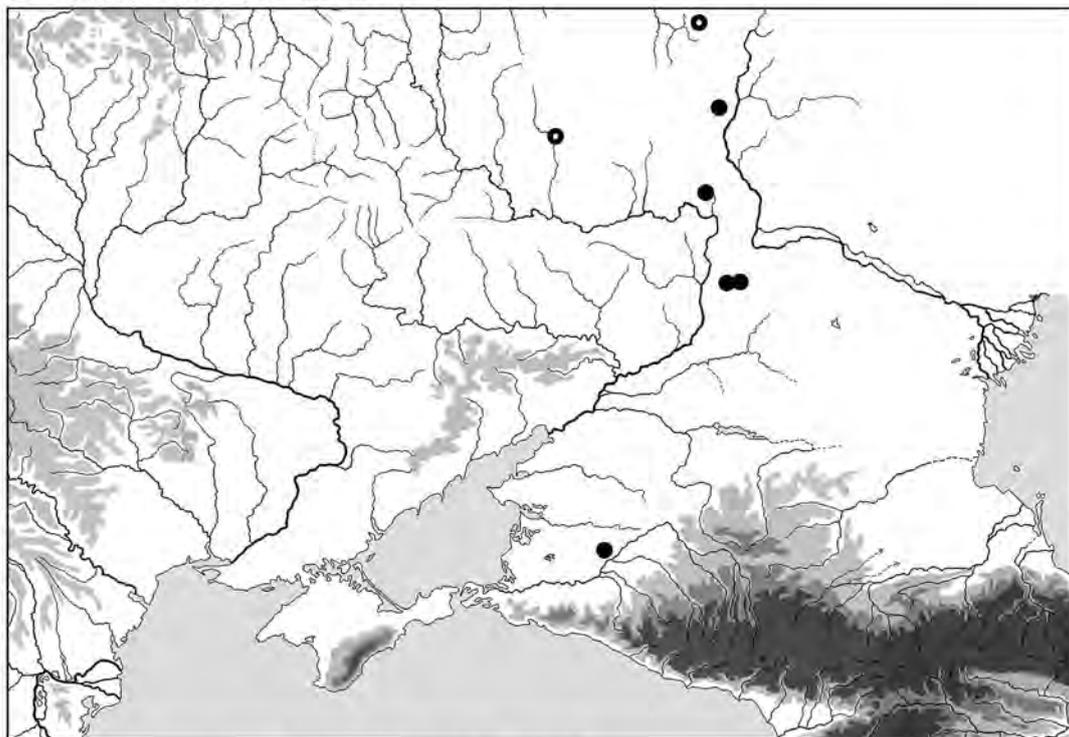
Рис. 11. Карта распространения мотивов, изображенных на драгоценной посуде: 1 – III-I вв. до н.э.; 2 – I-II вв. н.э.

Fig. 11. The map of distribution of motives represented on the precious vessels: 1 – 3rd – 1st centuries BC; 2 – 1st – 2nd centuries AD.

- - находки 3-1 вв. до н.э.
- - находки 1 в. до н.э. - 1 в.н.э.

1

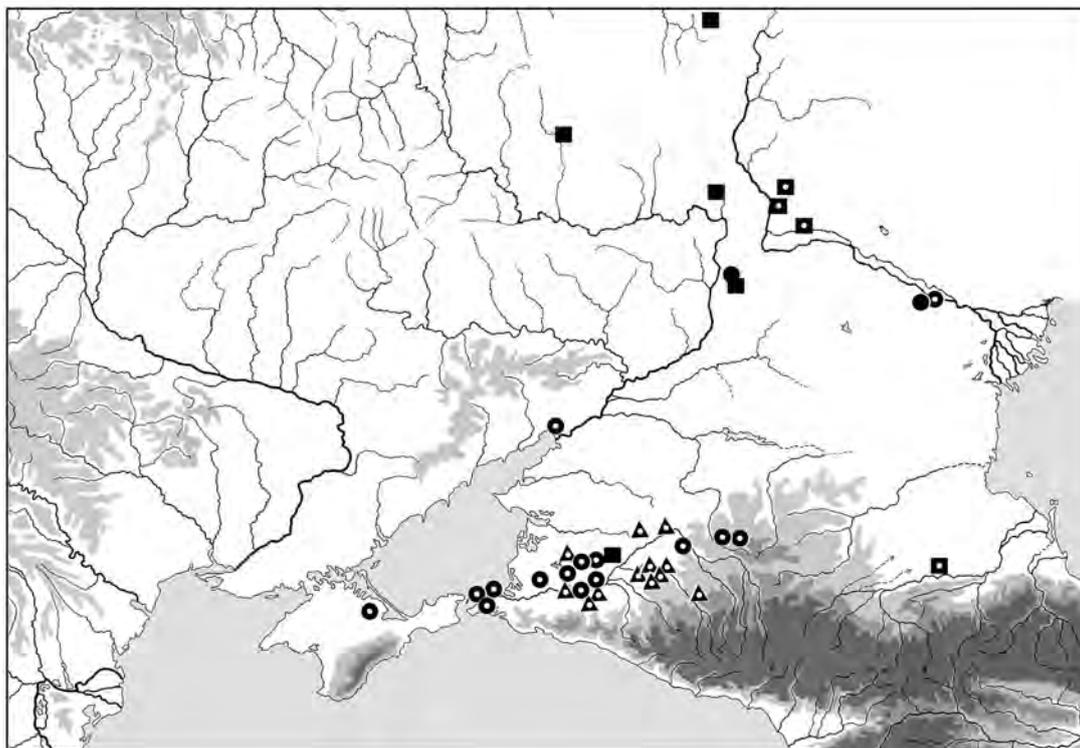

- - изображение рядов животных/сцен терзания
- - изображение одиночных фигур хищников/фантастических животных

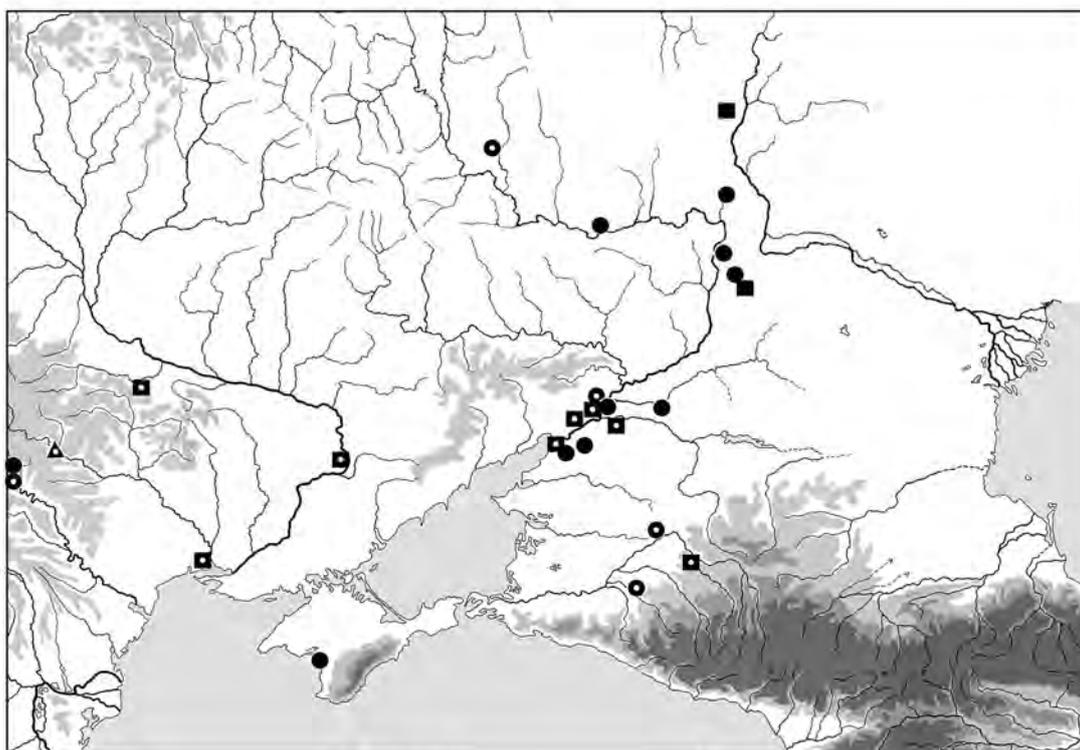
2

Рис. 12. 1 – Карта находок ритуальных жезлов; 2 – Карта распространения мотивов изображений на ритуальных жезлах.

Fig. 12. 1 – The map of distribution of ritual batons; 2 – The map of distribution of image motives on the ritual batons.

1

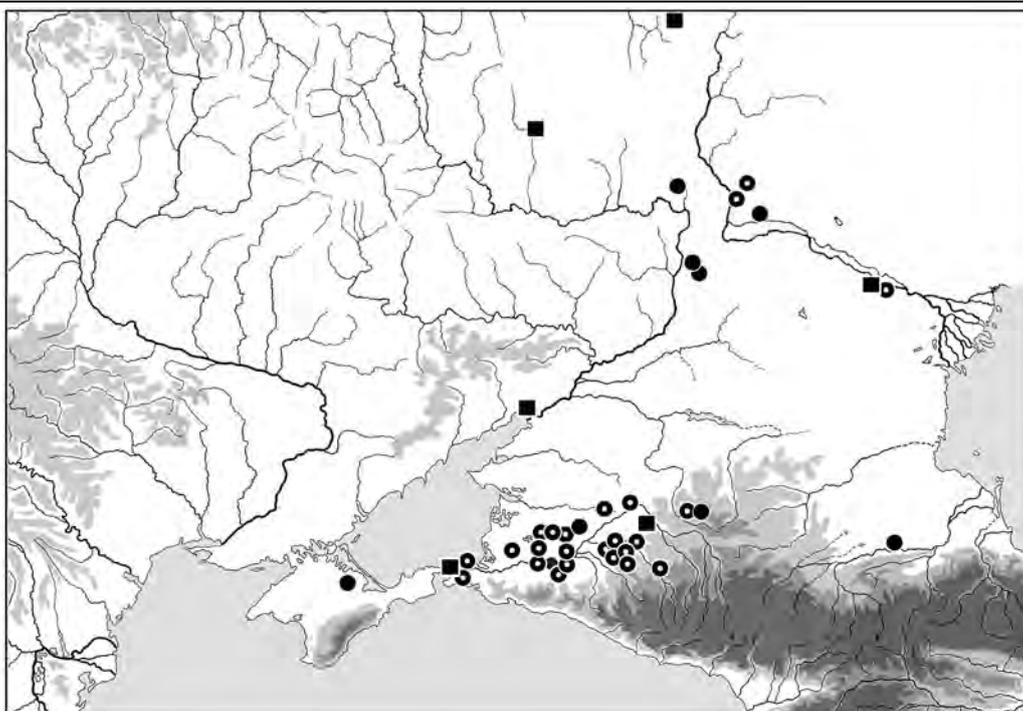

■ - жезлы ● - сосуды ▲ - серьги в виде баранов
▣ - браслеты ○ - гривны

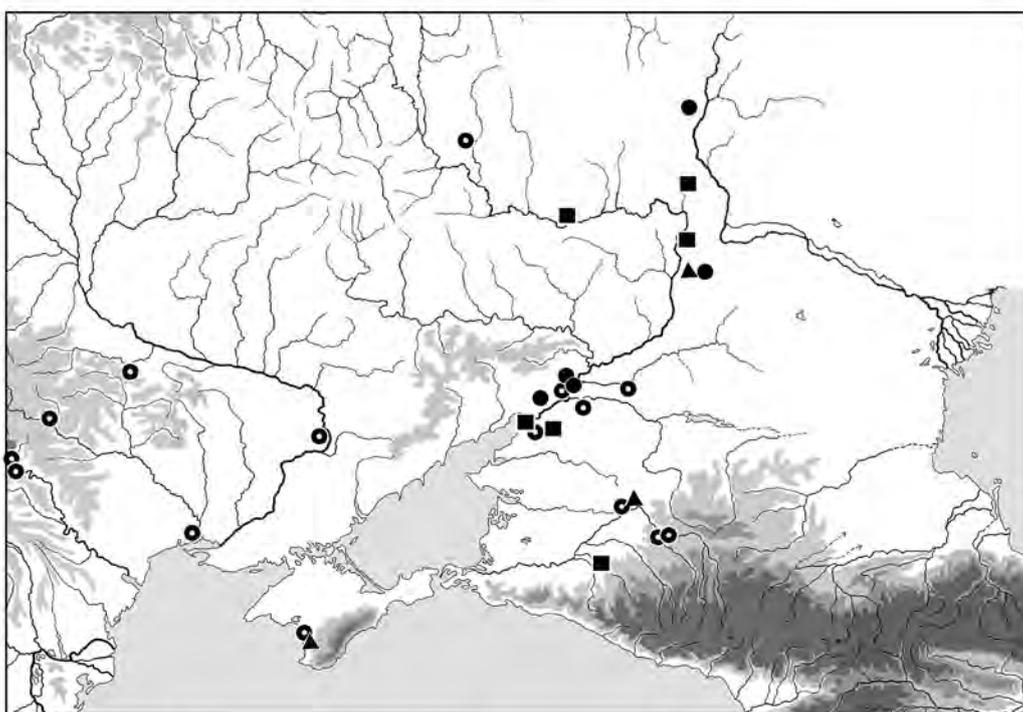
2

Рис. 13. Сводная карта распространения предметов звериного стиля (гривны, браслеты, серьги, суда, ритуальные жезлы): 1 – III-I вв. до н.э.; 2 – I-II вв. н.э.

Fig. 13. The general map of distribution of Animal Style objects (torques, armrings, earrings, vessels, ritual batons): 1 – 3rd – 1st centuries BC; 2 – 1st – 2nd centuries AD.

1

■ - хищники и фантастические животные ○ - копытные ▲ - птицы
● - ряды животных/сцены терзания

2

Рис. 14. Сводная карта распространения образов звериного стиля (копытные, хищники/фантастические животные, птицы, сцены терзания/ряды животных): 1 – III-I вв. до н.э.; 2 – I-II вв. н.э.

Fig. 14. The general map of distribution of the Animal Style image (ungulates, beasts/monsters, birds of prey, scenes of fight/rows of animals): 1 – 3rd – 1st centuries BC; 2 – 1st – 2nd centuries AD.

ЛИТЕРАТУРА

- Артамонов, 1971:* Артамонов М.И. Скифо-сибирское искусство звериного стиля (основные этапы и направления) / М.И. Артамонов // МИА. Вып.177. – 1971. – С.24-34.
- Берлизов, 2003:* Берлизов Н.Е. Парадный кинжал из кургана “Дачи” и проблема использования произведений савромато-сарматского звериного стиля для этногеографических реконструкций / Н.Е. Берлизов // Древности Кубани. Вып.21. – Краснодар, 2003. – С.11-17.
- Беспалый, 1985:* Беспалый Е.И. Курган I в. н.э. у г.Азова / Е.И. Беспалый // СА. – № 4. – 1985. – С.163-172.
- Веселовский, 1902:* Веселовский Н.И. Курганы Кубанской области в период римского владычества на Северном Кавказе / Н.И. Веселовский // Труды XII Археологического съезда. – Вып.1. – М., 1902. – С.341-373.
- Галанина, 1997:* Галанина Л.К. Келермесские курганы / Л.К. Галанина. – М., 1997. – 269 с.
- Гущина, Засецкая, 1994:* Гущина И.И. “Золотое кладбище” римской эпохи в Прикубанье / И.И. Гущина, И.П. Засецкая. – СПб., 1994. – 170 с.
- Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1993:* Дворниченко В.В. Сарматское погребение скептуха I в. н.э. у с.Косика Астраханской области / В.В. Дворниченко, Г.А. Федоров-Давыдов // ВДИ. – 1993. – № 3. – С.141-179.
- Засецкая, 1980:* Засецкая И.П. Изображение “пантеры” в сарматском искусстве / И.П. Засецкая // СА. – 1980. – № 1. – С.46-55.
- Засецкая, 1989:* Засецкая И.П. Проблемы сарматского звериного стиля (историографический обзор) / И.П. Засецкая // СА. – 1989. – № 3. – С.35-47.
- Зуев, 1991:* Зуев В.Ю. Творческий путь М.И. Ростовцева / В.Ю. Зуев // ВДИ. – 1991. – № 1. – С.166-176.
- Королькова, 1998:* Королькова Е.Ф. Иконография образа хищной птицы в скифском зверином стиле VI-IV вв. до н.э. / Е.Ф. Королькова // Проблемы археологии. – СПб., 1998. – Вып.4. – С.166-176.
- Королькова, 2001:* Королькова Е.Ф. Звериный стиль в оформлении гривен скифо-сарматской эпохи / Е.Ф. Королькова // Ювелирное искусство и материальная культура. – СПб., 2001. – С.68-95.
- Королькова, 2003:* Королькова Е.Ф. Ритуальные чаши с зооморфным декором в культуре ранних кочевников / Е.Ф. Королькова // АСГЭ. – 2003. – Вып.36. – С.28-59.
- Курочкин, 1984:* Курочкин Г.Н. Индоиранские элементы в искусстве древнего Востока и исторические корни скифо-сибирского искусства / Г.Н. Курочкин // Скифо-сибирский мир. – Кемерово, 1984. – С.37-39.
- Лукьяшко, 2000:* Лукьяшко С.И. О семантике изображений на серебряном кувшине из кургана 28 группы Высочино VII / С.И. Лукьяшко // Нижневолжский археологический вестник. – Волгоград, 2000. – Вып.3. – С.163-171.
- Максименко, 1998:* Максименко В.Е. Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории) / В.Е. Максименко. – Азов, 1998. – 304 с.
- Мамонтов, 2000:* Мамонтов В.И. Древнее население левобережья Дона (по материалам могильника Первомайский VII) / В.И. Мамонтов. – Волгоград, 2000. – 145 с.
- Мартынов, 1984:* Мартынов А.И. О мировоззренческой и идейной основах искусства скифо-сибирского мира / А.И. Мартынов // Скифо-сибирский мир. – Кемерово, 1984. – С.3-7.
- Мелюкова, 1989:* Мелюкова А.И. Скифское искусство звериного стиля / А.И. Мелюкова // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М., 1989. – С.100-104.
- Мордвинцева, 2000:* Мордвинцева В.И. Набор серебряной посуды из сарматского могильника Жутово / В.И. Мордвинцева // РА. – 2000. – № 1. – С.144-153.
- Мордвинцева, 2000:* Мордвинцева В.И. Полихромный звериный стиль / В.И. Мордвинцева. – Симферополь, 2003. – 206 с.

- Мордвинцева, Сергацков, 1995*: Мордвинцева В.И. Богатое сарматское погребение у станции Бердия / В.И. Мордвинцева, И.В. Сергацков // РА. – 1995. – № 4. – С.114-124.
- Мордвинцева, Трейстер, 2007*: Мордвинцева В.И. Произведения торевтики и ювелирное искусство в Северном Причерноморье (2 в. до н.э. – 2 в. н.э.) / В.И. Мордвинцева, М.Ю. Трейстер. – Симферополь-Бонн, 2007. – Т.1. – 308 с.; Т.2. – 256 с.; Т.3. – 204 с.
- Мордвинцева, Хачатурова, Юрченко, 2010*: Мордвинцева В.И. Сокровища древней Кубани / В.И. Мордвинцева, Е.А. Хачатурова, Т.А. Юрченко. – Симферополь, Краснодар, 2010. – 448 с.
- Мыськов, Кияшко, Скрипкин, 1999*: Мыськов Е.П. Погребение сарматской знати с Есауловского Аксяя / Е.П. Мыськов, А.В.Кияшко, А.С. Скрипкин // Нижневолжский археологический вестник. – Волгоград, 1999. – Вып.2. – С.149-167.
- Ольховский, 1991*: Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII-III вв. до н.э.) / В.С. Ольховский. – М., 1991. – 255 с.
- Переводчикова, 1994*: Переводчикова Е.В. Язык звериных образов / Е.В. Переводчикова. – М., 1994. – 203 с.
- Полидович, 1999*: Полидович Ю.Б. Скифский “звериный стиль” как источник для этнокультурных реконструкций / Ю.Б. Полидович // Матеріали міжнародної археологічної конференції “Етнічна історія та культура населення степу та лісостепу євразії (від кам'яного віку по раннє середньовіччя)”. – Дніпропетровськ, 1999. – С.122-124.
- Раев, 1984*: Раев Б.А. Пазырык и Хохлач: Некоторые параллели / Б.А. Раев // Скифо-сибирский мир. – Кемерово, 1984. – С.133-135.
- Рерих, 1930*: Рерих Ю.Н. Звериный стиль у кочевников Северного Тибета / Ю.Н. Рерих // Seminarium Kondakovianum. – Prague, 1930. – 25 с.
- Сергацков, 1999*: Сергацков И.В. Находки в зверином стиле из сарматских курганов на Иловле / И.В. Сергацков // Нижневолжский археологический вестник. – Волгоград, 1999. – Вып.2. – С.36-41.
- Сергацков, 2000*: Сергацков И.В. Сарматские курганы на Иловле / И.В. Сергацков. – Волгоград, 2000. – 270 с.
- Симоненко, Лобай, 1991*: Симоненко А.В. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. / А.В. Симоненко, Б.И. Лобай. – К., 1991. – 109 с.
- Смирнов, 1976*: Смирнов К.Ф. Савромато-сарматский звериный стиль / К.Ф. Смирнов // Скифо-сарматский звериный стиль в искусстве народов Евразии. – М., 1976. – С.74-89.
- Смирнов, 1909*: Смирнов Я.И. Восточное серебро / Я.И. Смирнов. – СПб., 1909. – 18 с.
- Трейстер, 1994*: Трейстер М.Ю. Сарматская школа художественной торевтики (К открытию сервиза из Косики) / М.Ю. Трейстер // ВДИ. – 1994. – № 3. – С.172-203.
- Фаркаш, 1992*: Фаркаш А. Искусство кочевников в музеях США / А. Фаркаш // ВДИ. – 1992. – № 4. – С.195-204.
- Хазанов, Шкурко, 1976*: Хазанов А.М. Социальные и религиозные основы скифского искусства / А.М. Хазанов, А.И. Шкурко // Скифо-сарматский звериный стиль в искусстве народов Евразии. – М., 1976. – С.40-51.
- Alföldi, 1933*: Alföldi A. M. Rosrowzew: Skythien und der Bosphorus. Band 1: Kritische Übersicht der schriftlichen und archäologischen Quellen. Allein berechtigte Übersetzung aus dem Russischen. Neu bearbeitet für Deutschland und mit neuen Kartenmaterial versehen. Berlin, 1931 / A. Alföldi // Gnomon. Bd.9. – 1933. – S.561-572.
- The Golden Deer of Eurasia, 2000*: The Golden Deer of Eurasia. Scythian and Sarmatian Treasures from the Russian Steppes / Edited by Aruz J., Farkas A., Alekseev A., Korolkova E. – New York, 2000. – 303 p.
- Borovka, 1967 (1928)*: Borovka G. Scythian Art / G. Borovka. – New York, 1967 (1928). – 111 p.
- Brather, 2004*: Brather S. Ethische Interpretationen in der frühgeschichtlichen Archäologie. Geschichte, Grundlagen und Alternativen / S. Brather // Ergänzungsbände zum Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Bd.42. – Berlin, New York, 2004. – 779 S.

- Brentjes, Vasilevsky, 1989*: Brentjes B. Schamanenkrone und Weltenbaum. Kunst der Nomaden Nordasiens / B. Brentjes, R.S. Vasilevsky. – Leipzig, 1989. – 203 S.
- Conkey, 1996*: Conkey M.W. Experimenting with style in archaeology: some historical and theoretical issues / M.W. Conkey // Nationalism and archaeology in Europe. – London, 1996. – P.5-17.
- Días-Andreu, Champion, 1996*: Días-Andreu M. Nationalism and archaeology in Europe: an introduction / M. Días-Andreu, T. Champion // Nationalism and archaeology in Europe. – London, 1996. – P.1-23.
- Farkas, 1973*: Farkas A. Sarmatian Roundels and Sarmatian Art / A. Farkas // The Metropolitan Museum of Art Journal. – 1973. – Vol.8. – P.77-88.
- Gombrich, 1980 (1960)*: Gombrich E.H. Art and Illusion. A study in the psychology of pictorial representation / E.H. Gombrich. – London-Edinburgh, 1980 (1960). – 386 p.
- Gombrich, 1983*: Gombrich E.H. Die Krise der Kulturgeschichte. Gedanken zum Wertproblem in den Geisteswissenschaften / E.H. Gombrich. – Stuttgart, 1983. – 248 S.
- Huth, 2003*: Huth C. Menschenbilder und Menschenbild. Anthropomorphe Bildwerke der frühen Eisenzeit / C. Huth. – Reimer, 2003. – 305 S.; 88 Taf.
- Jacobson, 1995*: Jacobson E. The Art of the Scythians: the Interpretation of Cultures at the Edge of the Hellenic World / E. Jacobson // Handbuch der Orientalistik. 8. – Leiden, New York, Köln, 1995. – 305 p.
- Jettmar, 1964*: Jettmar K. Die frühen Steppenvölker / K. Jettmar. – Baden-Baden, 1964. – 273 S.
- Jones, 1997*: Jones S. The Archaeology of Ethnicity. Constructing identities in the past and present / S. Jones. – London, New York, 1997. – 180 p.
- Korolkova, 2000*: Korolkova E.F. Ritual Vessels of the Nomads Korolkova E.F. // The Golden Deer of Eurasia. Scythian and Sarmatian Treasures from the Russian Steppes. – New York, 2000. – P.61-64.
- Kossinna, 1911*: Kossinna G. Die Herkunft der Germanen / G. Kossinna G. – Leipzig, 1911. – 309 S.
- Kossinna, 1936 (1914)*: Kossinna G. Die deutsche Vorgeschichte: eine hervorragend nationale Wissenschaft / G. Kossinna // Mannus-Bibliothek, Bd. 9. – Leipzig, 1936 (1914). – 303 S.
- Loboda, Puzdrovskij, Zajcev, 2002*: Loboda I.I., Puzdrovskij A.E., Zajcev Ju.P. Prunkbestattungen des 1.Jh. n.Chr. in der Nekropole Ust'-Al'ma auf der Krim. Die Ausgrabungen des Jahres 1996 / I.I. Loboda, A.E. Puzdrovskij, Ju.P. Zajcev // Eurasia Antiqua. – 2002. – Bd.8. – S.295-346.
- Parzinger, 2004*: Parzinger H. Die Skythen. – München, 2004. – 128 S.
- Rau, 1929*: Rau P. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Studien zur Chronologie der skythischen Pfeilspitze / P. Rau // Mitteilungen des Zentralmuseums der ASRR der Wolgadeutschen. Jahrgang 4. H.1. – Pokrowsk, 1929. – S.1-112.
- Rehm, 1992*: Rehm E. Der Schmuck der Achämeniden / E. Rehm. – Münster, 1992. – 468 S.
- Rostovtzeff, 1922*: Rostovtzeff M.I. Iranians and Greeks in South Russia / M.I. Rostovtzeff. – Oxford, 1922. – 229 p.
- Rostovtzeff, 1929*: Rostovtzeff M.I. The Animal Style in South Russia and China / M.I. Rostovtzeff // Princeton Monographs In Art and Archaeology. XIV. – Princeton, 1929. – 112 p.
- Shefold, 1938*: Shefold K. Der skythische Tierstil in Südrussland // Eurasia Septentrionalis Antiqua. XII. – Helsinki, 1938. – S.1-78
- Treister, 2005*: Treister M. On a Vessel with Figured Friezes from a Private Collection, on Burials in Kosika and once more on the "Ampsalakos School" / M. Treister // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Vol.11. – 2005. – P.199-255.
- Veit, 1989*: Veit U. Ethnic concepts in German prehistory: a case study on the relationship between cultural identity and objectivity / U. Veit // Archaeological Approaches to Cultural Identity. – London, 1989. – P.35-56.
- Wells, 2001*: Wells P.S. Beyond Celts, Germans and Scythians. – London, 2001. – 160 p.

The Sarmatian Animal Style and possibilities of ethnic reconstructions

Items ornamented with different images often are seen as reflected ethnic features of ancient cultures. It is not easy to compare archaeological material with ethnical reality of the past. However, one could try to understand their way of thinking. This information is somehow hidden in the ancient objects of art, and it could be positively extracted from those.

For the analysis there were chosen some categories of Animal Style objects (torques, armrings, earrings, vessels, ritual batons) spread on the territory between the Danube and the Volga from the 3rd c. BC to the 2nd c. AD. The maps show interesting tendencies in distribution of the material and different images. This could reflect cultural changes, which took place in the Eastern Europe during the period (fig.1-14).

Keywords: *animal style, Sarmatian culture, ethnic self-consciousness.*

Мордвінцева В.І.

Сарматський звіриний стиль і можливості етнічних реконструкцій

Часто вважається, що предмети з різними художніми зображеннями відображають етнічні особливості давніх культур. Безпосередньо пов'язувати археологічний матеріал з етнічними реаліями давнини навряд чи має сенс. Проте можливо спробувати виділити ознаки того, що люди певної археологічної культури вважали "своїм", а що "чужим", і на цій підставі порівняти різні регіони щодо відмінностей у ментальній сфері, що в якійсь мірі може відображати й етнічні відмінності.

Для аналізу було обрано деякі категорії предметів звіриного стилю (гривни, браслети, сережки, посудини, ритуальні жезли), поширені на території між Дунаєм і Волгою з III ст. до н.е. до II ст. н.е. Карти показують цікаві тенденції у поширенні цього матеріалу і різних зображень, що може відображати культурні зміни, які відбувалися у Східній Європі у цей період (рис.1-14).

Ключові слова: *звіриний стиль, сарматська культура, етнічна самосвідомість.*